

фантастическая
история

Андрей Величко
Век железа
и пара

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Андрей Феликсович Величко
Век железа и пара
Серия «Терра инкогнита», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134315
Век железа и пара: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1047-7

Аннотация

Начав любое дело, нельзя останавливаться на полпути, даже если тот путь по мере продвижения по нему все более напоминает авантюру. Это прекрасно понимают император Илья Первый, его первый министр Алекс Романцев и пастырь Австралийской христианской церкви Викторий Второй. Они знают, что на Земле многократно возникали великие империи, а потом появлялись их виртуальные отображения – в романах, сплетнях, компьютерных играх, анекдотах и прочих произведениях искусства. Правда, так получилось, что нашим героям приходится решать подобную задачу в обратном порядке, но ведь они образованные люди и поэтому в курсе – от перемены мест слагаемых результат не меняется.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Величко

Век железа и пара

Пролог

Капитан Френсис Линсей, которого уже около года звали Людвиг ван Бателаан, спрятал подзорную трубу в чехол и начал быстро спускаться с росшего на небольшом пригорке огромного дерева. С его вершины можно было рассмотреть окрестности в радиусе как минимум десяти миль, чем капитан и занимался в эти последние полчаса.

Как и ожидалось, молодой человек не увидел никаких признаков цивилизации. На востоке и на юге были густые леса, на севере – цепь невысоких холмов, покрытых кустарником, а в трех кабельтовых к югу начинался бескрайний океан.

В той стороне Френсиса интересовала в основном небольшая узкая бухточка в устье маленькой лесной речки. Даже зная, что там сейчас находится его бриг «Доротея», он с немалым трудом смог обнаружить.

Левый берег речки был высоким и обрывистым, и бриг, пользуясь приливом, удалось подвести под самый заросший кустами склон. Такелаж замаскировали ветками, на корпус была наброшена сеть, так что обнаружить корабль стало не таким уж простым делом. Особенно сверху, в чем сейчас и убедился Френсис. Король советовал ему обратить самое серьезное внимание на маскировку, имея в виду, что у австралийцев есть летающие корабли, которые вполне могут патрулировать эти места.

Но все было в порядке. Бриг заметить трудно, а временный лагерь, разбитый в четырехстах ярдах от него вверх по речке, вообще невозможно.

Капитан кивнул ждавшему его у подножия дерева матросу, тот подал ему одно из двух имеющихся у него ружей, и вскоре они шагали к лагерю. Но с осторожностью и держа оружие наготове, ибо хорошо помнили жуткие ночные вопли какого-то несомненно хищного зверя, полночи раздававшиеся из леса. Кроме того, мистер Мосли в свое время познакомил Френсиса с краткой подборкой по животному миру Австралии. Рассказал о ледяных птицах, полярных жабах, пингвинах-живоглотах, хихервохерах и прочей жути. Правда, его сведения относились в основном к метрополии, но и в колониях могут водиться существа ничуть не лучше. Кстати, не хихервохер ли это мелькнул в кустах? Морда, во всяком случае, с беглого взгляда вроде была похожа на показанный Френсису рисунок.

Капитан велел матросу внимательнее смотреть назад, ибо известно, что хихервохер атакует человека преимущественно сзади, делая длинный прыжок и вцепляясь своими мощными челюстями в ягодичные мышцы.

В лагере завершалась сборка ботика, на котором предстояло исследовать окрестности места высадки.

При планировании операции Линсей исходил из последнего сообщения Темпла, где говорилось, правда с оговорками, о возможной неточности этих сведений, что каторжане на земле Тасмана рубят лес. Но если так, то их лагерь должен быть расположен на северной оконечности острова – оттуда ближе всего до Новой Австралии. «Доротея» же якобы потерпела крушение недалеко от крайней западной точки острова. В десяти милях севернее береговая линия под острым углом поворачивала на юго-запад, и исследоваться будет в первую очередь именно то направление. Но без спешки. Френсиса не раз предупреждали, что торопиться некуда.

Ему и его людям следовало осторожно, по возможности не попадаясь на глаза как воздушным, так и обычным кораблям австралийцев, найти место, где те содержали пленных

английских пиратов. Кроме того, выяснить, есть ли на острове аборигены, и, если они найдутся, вступить с ними в контакт, имея в виду, что впоследствии он может перерасти в союз. Вторую задачу должен был выполнять сухопутный отряд под командованием старого знакомого Линсея, боцмана со «Свордфиша». В случае успеха миссии ему, кроме немалой денежной премии, было обещано дворянство.

Если же обнаружения австралийцами избежать не удастся, следовало изображать из себя жертв кораблекрушения. Поэтому ботик имел нарочито потрепанный вид, как и одежда участников обоих поисковых отрядов.

Итак, первый этап операции, то есть незаметная высадка в укромном месте земли Тасмана, прошел успешно. Френсис надеялся, что у него и его спутников хватит сил и умений довести дело до конца.

Глава 1

Накреньясь на правый борт, «Чайка» и «Кадиллак» птицами летели на запад под свежим южным ветром. Понятно, что «летели» – это метафора: они все-таки корабли, а не дирижабли. Но скорость двадцать – двадцать пять километров в час, которую мы выдерживали уже почти две недели, лично у меня вызывала, как говорил дорогой Леонид Ильич, чувство глубокого удовлетворения. Не сравнить с возвращением из Европы, когда мы еле плелись, подлаживаясь под убогую скорость сопровождавших нас английских кораблей.

Я стоял на носу своего корабля и, облокотясь на фальшборт, предавался воспоминаниям и размышлениям.

Когда семь лет назад я собирался в прошлое, то, конечно, не мог обойтись без раздумий о своей в нем новой жизни. В основном она мне представлялась по роману «Граф Монте-Кристо», только без отсидки и последовавшей за ней мстью виноватым в этой неприятности. То есть знатный вельможа из далекой заморской страны для своего удовольствия путешествует по миру на яхте, иногда удостаивая своим посещением некоторые европейские столицы. Естественно, производя там фужер, фураж и фурор. И, кроме того, подвергаясь успеху у дам.

Ага, разбежался. Ибо умные люди задолго до моего рождения написали: «В начале было слово»! И написали совершенно справедливо. Стоило мне в одном месте вякнуть то самое слово – мол, я являюсь герцогом из далекой, великой и могучей Австралийской империи, – как довольно быстро оказалось, что так оно и есть. Империя начала жить своей жизнью, причем, хоть я и не стеснялся в описаниях присущих ей чудес, мне иногда про нее рассказывали такое, что затруднительно было решить – стоять или падать от изумления.

В общем, теперь почти никто не сомневался в существовании этой страны, а также в ее размерах и могуществе. Однако слово «почти» я употребил не зря. Сомневающиеся были, причем, как ни странно, ими являлась правящая верхушка той самой империи. Его императорское величество Илья Первый, владыка Австралии, колоний и поселений, и его светлость герцог Алекс Романцефф де Ленпроспекто, адмирал и первый министр. Под таким именем в завершающемся сейчас семнадцатом веке фигурировал я.

На самом же деле ничего удивительного в сложившейся ситуации не было. Многие вещи начинают свое существование сначала в умах людей – и только потом приобретают некие материальные черты. Нас с Ильей смущал тот факт, что с великими империями подобного пока не происходило, только и всего. Но, как говорится, все когда-нибудь случается в первый раз. В силу чего мне пришлось вспомнить, что сказали про аналогичную ситуацию Ильф с Петровым. А именно – как и из Бендера, графа Монте-Кристо из меня не вышло. Правда, управдомы империи были совершенно без надобности, так что мне пришлось пере-квалифицироваться в министры и дипломаты.

День потихоньку клонился к вечеру. Сменились вахтенные, и я тоже отправился в свою каюту. Хотелось до визита жены в очередной раз почитать копии доклада Темпла королю, запечатанный оригинал которого хранился в судовом сейфе. Но старый лис, похоже, не верил никому и при написании всех сообщений, передаваемых через нас или, как это, с нашим кораблем, всюду прибегал к эзопову языку. Интересно, застану ли я по возвращении в живых старого дипломата? Энциклопедия сообщала, что он умер в девяносто девятом году. Но то было в дикой Англии, то есть при отсутствии лекарств, квалифицированной медицинской помощи, да к тому же и климат там не самый здоровый. Так что у меня имелись вполне обос-

нованные надежды еще не раз встретиться с троюродным дядюшкой Джонатана Свифта. У старика было чему поучиться, причем не только Свифту, но и мне.

Примерно треть доклада занимали материалы об императоре. Но описанию его габаритов и феноменальной силы было уделено всего полстраницы, основное место занимали наблюдения за тем, куда, как и насколько часто отлучается из Ильинска его величество.

По Темплу выходило, что за время нахождения английского посольства в Ильинске император пребывал в отъезде около двух месяцев. За это время он успел два раза слетать в метрополию на дирижабле и один раз на корабле посетить какую-то другую колонию, расположенную сравнительно близко, не далее тысячи миль от Ильинска.

Вот тут Темпл был прав на все сто. Деревня Потогонка, куда Илья как-то раз смотался на две недели, действительно находилась ближе чем в тысяче миль. До нее было пятьдесят километров по прямой или девяносто по морю.

Что же касается путешествий на дирижабле, то тут старый дипломат стал жертвой оптического обмана, к которому, правда, приложил руку и ваш покорный слуга. Попробуйте-ка определить размеры пролетающего над вами объекта! Без привычки это не получится, даже если знать высоту. У Темпла привычки не могло быть по определению, но про высоту я ему на всякий случай пару раз обмолвился. Однако данная информация ему помогла мало.

Оставался единственный способ – сравнительный. Если на летящем объекте найдется что-то, размер чего вам известен, вычислить величину будет нетрудно. На дирижабле «Граф Цеппелин» оно нашлось в виде периодически высывающихся из окон и махающих руками фигурок.

Вообще-то данный дирижабль при объеме двести пятьдесят кубов мог поднять груз семьдесят – семьдесят пять килограммов, но этого хватало, так как его пилот Франсуа весил от силы шестьдесят. Он лежал располагался в гондоле с имитацией окошек, надевал на пальцы правой руки куклу и устраивал над Ильинском воздушное представление. Поэтому англичане малость ошиблись с размерами. По докладу дирижабль имел в длину шестьсот футов, тогда как в действительности эта цифра составляла семнадцать с половиной метров.

Ту часть доклада, где утверждалось, что Илья является потомком атлантов, я прочитал мельком, ибо черновики для нее Темпл начал готовить уже давно. Правда, в окончательном варианте была конкретизирована историческая часть. Раньше этого сделать не получалось, ибо мы с Ильей только незадолго до отъезда расставили его предшественников и предков по своим местам.

В общем, до Бариновых Австралией правили Немцевы. Последний из них, Николай Никакой, довел страну до ручки, а потом отрекся, в результате чего в империи началась смута.

Она была прекращена титаническими усилиями первого представителя новой династии, Иосифа Великого. При нем империя уверенно двигалась по пути прогресса, но, к сожалению, он не оставил прямых наследников. После смерти Иосифа трон около года занимал его дальний родственник Лаврентий Четырехглазый, но тут на политическую арену непонятно откуда выскочил некто худородный и вообще ни к какой династии не относящийся по имени Н. С. Хукурузер. Убив Лаврентия, авантюрист объявил себя императором. Это чмо измывалось над империей десять лет, заработав кличку Никита Задоголовый и испохабив почти все, что ему досталось от Иосифа Великого, но в конце концов его скинул с трона и отправил в ссылку троюродный племянник Иосифа Леонид Звездоносец.

Разумеется, кто-то может найти в данном описании некоторые неточности. Им я могу только сказать, что мы писали все-таки историю Австралийской империи, а не КПСС.

Темпл же пересказал ее, снабдив своими комментариями и отсылками к недавней истории Англии, где, насколько я понял, речь шла о Карле, Якове и Кромвелле.

Далее шел пересказ моей родословной, но тут англичанин обошелся без отсебятины. Мое описание жизни и подвигов козельского княжича Романа, угнанного в плен, но бежавшего аж из Китая и добравшегося до Австралии, было перенесено в доклад практически слово в слово.

Кроме писаний Темпла имелся и доклад второго секретаря посольства Ричарда Эвери, который, кажется, имел какое-то отличное от гуманитарного образование. Во всяком случае, он специализировался на описании наших технических новинок.

Бегло просмотрев две страницы про императорский рыдван, я перешел к тому, что этот тип смог нарыть про наши турбины. И почувствовал глубокое разочарование, ибо, несмотря на толстые намеки и чуть ли не прямой показ, он так и не смог понять, что такое сопло Лавалля. Единственный его вывод заключался в том, что лопасти на ступенях турбины должны не только стоять под разными углами, но и располагаться на дисках уменьшающегося к концу диаметра. И как только такой двоечник, до сих пор не понявший, где у турбины вход, а где выход, ухитрился пролезть в посольство, сокрушенно подумал я, переворачивая страницу.

Основные усилия этот промышленный шпион сосредоточил на станках. Разумеется, никто его и близко не подпускал к большому сараю, громко именуемому механическим заводом. Но англичанин обосновался на соседнем холме с подозрительной трубой и все-таки смог что-то увидеть, когда ворота сарая распахивались. Для маскировки своих нехороших намерений он таскал с собой мольберт с красками и холст, где в конце концов намалевал панораму Ильинска, но довольно коряво.

Предок Джеймса Бонда отметил, что в наших токарных станках мастер не держит резец рукой, для этого есть какое-то приспособление. Правда, никаких подробностей конструкции суппорта он не разглядел. Кроме того, наблюдатель написал, что у австралийцев есть и другие станки, где деталь закреплена неподвижно, а двигается и вращается обрабатываемая ее зубчатка.

Потом автор описал свои исследовательские работы. В принципе ничего, лично мне пока подобное в голову не приходило, надо будет взять на вооружение идеи мистера Эвери.

Он обратил внимание, что, хотя завод и находится рядом с плотиной на ручье, механической передачи вращения от водяного колеса к станкам не видно. Далее он не поленился произвести эксперимент. Взял два магнита и приклеил их к концам тонких прямых палочек. После чего, вращая одну из них, наблюдал, как вращается вторая, вроде бы не соединенная с первой. Эффект у него получался только на расстояниях до пяти сантиметров, а по размерам нашего сарая он сделал вывод, что австралийская наука преодолела десятиметровый рубеж магнитной передачи вращения. Сделанному им выводу способствовало то, что все наши станки располагались вдоль оси вращения водяного колеса.

Третьим документом посольской почты был доклад Свифта, посвященный образованию. Еще когда мы с Ильей читали черновики, у нас возникла мысль: а не придержать ли его под каким-нибудь предлогом? Но потом, подумав, решили все-таки не препятствовать отправке, потому как сути нашей системы не спрячешь. В конце концов, та же Элли сможет пересказать ее в трех словах.

Так вот, к некоторому моему сожалению, Джонатан Свифт не испытывал ни малейшей потребности описать что-либо наподобие путешествия Гулливера в страну лилипутов или страну разумных лошадей. Его больше интересовало положение с начальным образованием в Австралии. До другого его просто не допускали – Ильинский университет являлся закрытой организацией.

Свифт три раза подчеркнул, что воспрепятствование обучению грамоте и счету своим детям по нашим законам влечет за собой административную ответственность, а в случае рецидива – уголовную. Далее он уточнил, что минимальная грамотность является необходимым условием получения имперского подданства, и по косвенным признакам сделал вывод, что неграмотных в Австралии очень мало, а дворян среди них вообще нет. Особенно его поразил тот факт, что закон не делал никакой разницы между мужчинами и женщинами, то есть девочки тоже учились в школе. Мало того – некоторые, проявившие особые способности, и в университете! Про который Свифт знал только то, что он существует.

В общем, после прочтения этой бумаги я мог утешаться одним – что в Англии никто не даст Вильгельму начинать вводить хоть что-нибудь похожее на нашу систему: все-таки он далеко не абсолютный монарх.

Однако тут раздался осторожный стук в дверь, вслед за которым в каюте появилась моя третья жена, герцогиня Элли Романцева, и я отложил бумаги. У нее было настолько взволнованное лицо, что я даже решил – случилась какая-то неприятность, но потом сообразил, что девочка просто пришла признаваться. Я так и думал, что она сделает это в пути, причем в его первой половине, но после того, как мы уже достаточно удалимся от Австралии. Так и оказалось.

Третью жену мне сосватал, а если быть точным, то просто подложил королевский камердинер Натаниэль Мосли, в благодарность за что я вез ему богато украшенный не только сапфирами и изумрудами, но и алмазами револьвер. Ибо Элли того стоила. Будучи натуральной голубоглазой блондинкой, она оказалась вовсе не душой, а совсем даже наоборот.

Разумеется, в Австралии за ней наблюдали, и я мог точно сказать, что она почти не общалась с англичанами из посольства и уж тем более не вела каких-то записей. Судя по всему, она была агентом влияния, хотя Мосли наверняка не знал такого термина. Ее задачей являлось поддерживать во мне настроения типа того, что Англия – очень хорошая страна, Вильгельм – замечательный правитель, прямо-таки чуть не лопающийся от честности и благородства, и так далее. Я был ничуть не против, потому как по своей инициативе мы с Англией ссориться совершенно не собирались. По крайней мере до тех пор, пока наша численность не перевалит за миллион, а возможно, и после этого события.

В общем, я объяснил герцогине, что не вижу в создавшейся ситуации ничего страшного. Во-первых, я про нее и так знаю, причем давно, с момента нашего отбытия из Англии. А во-вторых, у каждого есть свои маленькие недостатки. Подумаешь, задание она выполняет, эка невидаль. У некоторых вообще ноги не только короткие, так еще кривые и волосатые! И ничего, живут.

По идее в этом месте девочка должна была расчувствоваться и обратиться ко мне за помощью, чтобы дополнительно подчеркнуть свою лояльность и беззащитность, и она не обманула моих ожиданий. Трагическим шепотом Элли поведала мне, что у нее было и задание попытаться попасть в постель к императору, а не получится – хотя бы собрать побольше сведений о нем. Но она, наверное, неспособная, да к тому же была занята – ну так занята семейной жизнью... в общем, у нее не получилось, и она прямо не знает, что теперь делать.

Я объяснил, что, согласно специальному императорскому указу, имею право в случае необходимости производить любые действия от его высочайшего имени, каковым правом и готов воспользоваться прямо сейчас. Потом начал было обещать, что сам расскажу ей про Илью столько, что хватит на несколько обширных докладов, но Элли уже избавилась от лишних деталей туалета, так что рассказ сам собой отложился на будущее.

Глава 2

Неплохая скорость наших кораблей плюс сравнительно благоприятная погода привели к тому, что уже через два с половиной месяца после выхода из Ильинска «Чайка» с «Кадилаком» приблизились к острову Мадейра. Тут мы собирались сделать первую и единственную остановку на пути в Англию. Ну и посмотреть, насколько серьезен был представитель голландской Ост-Индской компании, еще в мае посетивший наше посольство в Лондоне.

Уже километров за десять до Фуншала стало видно, что в порту куда оживленнее, чем когда мы здесь были в прошлый раз. Тут стояли четыре больших корабля и два средних, примерно с наши шхуны. По мере нашего приближения пять подняли голландские флаги, а небольшой фрегат – португальский. На всякий случай артиллеристы заняли места у орудий, но португалец был настроен на редкость миролюбиво. Мало того что он не открывал пушечных портов, так по мере нашего приближения две шлюпки развернули его носом к месту, где мы встали на якоря. Носовая пушка у фрегата отсутствовала.

От всех же прочих кораблей в нашу сторону направились шлюпки, но я взял мегафон. И хотя меня подмывало на всю гавань процитировать незабвенного Шарикова: «В очередь, сукины дети, в очередь!» – я выразил эту же мысль по-английски и чуть более политкорректно. Вскоре после чего принимал начальника порта – того же, что и в прошлый раз. Он тут же заверил меня, что с недавно прибывшей второй партией французов все в полном порядке, они окружены заботой и ни в чем не нуждаются, а также...

- Сколько? – перебил я его многословные излияния.
- Девяносто один человек, из них тринадцать женщин и двадцать два ребенка.
- Спасибо, но я вообще-то спрашивал про деньги.

В ответ начальник понес какую-то ахинею – типа он не осмеливается требовать денег у моей светлости, желая лишь загладить память о неприятном инциденте, который...

– Дорогой дон Мануэль, – хмыкнул я, – будь у меня хоть тень подозрения, что вы явились сюда с какими-то требованиями, вас бы давно уже вышвырнули за борт. На будущее запомните и передайте всем интересующимся, что требовать от австралийца может только его непосредственный начальник, в данном случае – сам император, ибо других начальников у меня нет. Всем прочим остается либо просить, либо предлагать. Так вот, мне хотелось бы услышать ваши предложения о том, каковой вам представляется компенсация за пребывание на острове французов.

Вскоре ставший на сто рублей богаче начальник порта отбыл, и его место занял уже ждавший своей очереди господин Питер ван Рибек, доверенное лицо и личный секретарь директора голландской Ост-Индской компании Николааса Витсена. Теперь стало понятно, ради какой персоны сюда заявился линейный корабль, на который последние полчаса с определенным интересом заглядывался главный артиллерист и командир снайперской группы «Чайки» Вака. Впрочем, пока корабль вел себя вполне прилично. А учитывая важность миссии, порученной прибывшей на его борту персоне, вряд ли в ближайшее время следует ждать неожиданностей, подумал я, но, естественно, ничего Ваке не сказал. Ибо его обязанность – быть готовым в любой момент уничтожить все, что может оказаться опасным для наших шхун.

Решив, что остальные подождут, я пригласил ван Рибека пообедать: вопросов к нему у меня было достаточно. На первый из них он ответил сразу – да, из стоящих в бухте кораблей два зафрахтованы для перевозки французов. Шкиперы в курсе относительно наших требований про недопущение смертности среди пассажиров и знают, чем это может быть для них чревато.

- Без этого пункта фрахт вышел бы вам почти вдвое дешевле, – заметил голландец.

– Ничего, не разорюсь. Как вам тушеная кенгурятина? Это я к тому, что мы умеем сохранять мясо свежим достаточно долгий срок. Годами. Это, так сказать, будет дополнительным бонусом шкиперам. Если переселенцы не только не потерпят ущерба в своем здоровье, но и останутся довольны путешествием, мы поделимся этим секретом. Все лучше, чем по полгода давиться тухлой солониной. Ну и пора, наверное, приступить к главному вопросу.

Ван Рибек был полностью согласен и достал уже подготовленный текст договора между Австралией и Ост-Индской компанией. Я внимательно прочитал его. Он ничем не отличался от того, что был передан по радио нашим посольством. Основной смысл бумаги состоял в том, что компания признает нашу зону влияния в заданных координатах, а мы в ответ признаем все ее владения – как имеющиеся на сегодняшний момент, так и могущие образоваться в будущем. Обе стороны обещают воздерживаться от несанкционированных посещений территории друг друга.

Я подписал оба экземпляра, отдал один ван Рибеку и заодно подарил ему роллер, а то больно уж завистливым взглядом он смотрел, как я им пишу. После чего мы перешли к следующему вопросу.

– Во время визита господина Витсена в наше посольство была достигнута предварительная договоренность о постройке для нас нескольких кораблей на верфях компании, – напомнил я. – Причем по нашим чертежам. Прибыл ли с вами специалист, способный оценить наши требования? Чертежи я, естественно, привез.

Оказалось, что специалист прибыл, даже два – они ждут в лодке, которая привезла на «Чайку» ван Рибек. И вскоре они вошли в мою каюту.

Следующие сорок минут я только и делал, что отвечал на их многочисленные вопросы. Собственно, главных было два. Будут ли эти корабли обладать достаточной устойчивостью для того, чтобы выдержать любой шторм? И главное, зачем они вообще нужны, в чем их преимущество перед обычными?

Я ответил, что шторм они выдержат. Смысл же такой формы корпуса и такого парусного вооружения в том, что с ними корабль сможет дойти от Цейлона до Амстердама за два месяца. Или от Ильинска туда же за два с половиной.

Ничего невероятного в моих словах не было: ведь голландцы сейчас изучали чертежи чайного клипера «Фермопилы».

– Дело даже не в том, что это достаточно быстрый корабль, способный при хорошем ветре разгоняться до семнадцати узлов, – пояснил я, – а в том, что даже при ветре в один балл он сможет двигаться со скоростью узла три-четыре.

Надо сказать, что мы с Ильей решили на передачу голландцам чертежей не сразу. Помочь принять решение нам помогли два соображения. Первое – для нас в основном представляли опасность корабли с большим количеством солдат и пушек, а вовсе не те, что способны двигаться при любом ветре. В конце концов, у парохода это все равно получится лучше. Да и вообще чайные клиперы – это все-таки не военные корабли. Второе же соображение заключалось в том, что высшая точка расцвета Голландии уже позади, пусть там почти никто этого не понимает. На всякого рода спекуляциях и посредничестве можно совершить кратковременный рывок, но нельзя обеспечить процветание страны в длительной перспективе. Тут уже нужно развивать промышленность, чем голландцы не очень заморачивались. А вот в Англии это понимали хорошо, несмотря на то что и там и там вроде бы правил один и тот же человек.

То есть чем дальше, тем больше голландцам будет не до нас – у них скоро начнутся свои проблемы. Ну а пока постройка кораблей на их верфях обойдется дешевле, чем в Англии, пусть они их и строят. Кстати, голландские мастера работают на интуиции, никакой особой

теории у них нет, так что вряд ли они смогут сделать серьезные выводы из наших документов. Будут продолжать тупо копировать «Фермопилы», и все.

Вскоре корабельные мастера вынесли вердикт, что построить такое на верфях компании можно, и удалились. Мы же с ван Рибекком приступили к обсуждению цены.

– У Австралии два предложения, – пояснил я. – Первое – мы целиком оплачиваем все пять кораблей. Но тогда вам нельзя будет строить такие же для себя, и, кроме того, компания возьмет на себя ответственность за сохранение их в тайне. То есть если мы увидим где угодно еще хоть один такой корабль, то немедленно объявим войну Ост-Индской компании. Бомбардировок Амстердама не обещаю, хотя у нас принята программа приоритетного развития воздушного флота, так что, может быть, со временем дойдем и до такого. Но все голландские корабли при встрече с австралийскими будут топиться, это нетрудно.

– Простите, но ведь не все суда нашей страны принадлежат компании!

– А наше какое дело? Пусть ваши купцы вам и говорят спасибо в меру своих возможностей. Но это, так сказать, один вариант. Второй – вы строите нам пять кораблей бесплатно, а потом можете делать их себе или третьим лицам сколько угодно.

– К сожалению, я не уполномочен решать такие вопросы единолично, – развел руками голландец. – Мне нужно посоветоваться с господином Витсенем, а ему, скорее всего, потребуется одобрение совета директоров. С учетом времени пути до Амстердама это может занять от месяца до полутора.

– Ну, столько-то мы в Европе пробудем, однако все равно не теряйте времени.

На этом наша встреча с ван Рибекком закончилась, и до вечера я разбирался с голландскими шкиперами, подрядившимися везти французов в Ильинск. Наконец все вопросы были утрясены, и с кормы «Чайки» вновь ушла в небо зеленая ракета, что означало – «следующий!». По этому сигналу, как я и ожидал, к нам подплыла шлюпка от португальского фрегата.

Честно говоря, у меня были серьезные подозрения, что от нас сейчас начнут требовать объяснений, а то и компенсации за утопленный в позапрошлом году фрегат, так что я дослал патрон в ствол парабеллума и велел палубной команде быть наготове. Однако португалец, представившийся как посланец короля Педру II, был настроен на редкость миролюбиво. То есть он, даже не успев толком откусать предложенного ему тунца под маринадом, начал плакаться про тяжелые времена, наступившие для его страны.

Тут я немного удивился. По моим сведениям, как раз сейчас дела обстояли несколько наоборот. Десять лет назад в Бразилии были открыты месторождения серебра, что позволило королю серьезно укрепить свое материальное положение. И политическое тоже, ибо португальский парламент, именуемый кортесами, распорядился налоговыми сборами. И соответственно выделял часть полученных денег монарху. Или не выделял, это уже зависело от поведения его величества. Бразильское же серебро дало королю возможность послать свой парламент далеко и надолго, после чего править самостоятельно без оглядки на копейки от кортесов и не вспоминая ни о какой демократии.

Однако португалец быстро рассеял мое недоумение. Он объяснил, что средства-то из Бразилии поступают, но в значительно меньших количествах, чем могли бы. Потому как корабли приходится охранять, а с флотом у Португалии сейчас не очень. Больших фрегатов было всего пять, а по несчастливой случайности, произошедшей не так давно, их осталось четыре. Из Индийского океана португальцев практически вытеснили голландцы с англичанами. В Индии осталось три небольшие колонии – Гоа, Диу и Даман.

Я сочувственно покивал. Второе и третье слово мне не говорили абсолютно ничего, но в Гоа любил отдыхать мой сын. Он и меня неоднократно звал составить ему компанию, но я отказывался. Потому как финансы начали позволять нам подобные телодвижения только тогда, когда мне уже перевалило за семьдесят. В таком возрасте как-то уже не очень

тянет на экзотику. Но сейчас совсем другое дело, и посещение данного места вообще-то входило в мои планы. А тут, значит, голландцы собираются отобрать его у португальцев? Нет, это не дело. Как я там отдыхать буду, если всякие-разные начнут какие-то войнушки? Руки прочь от моего Гоа! Пусть голландцы обходятся Индонезией, она большая.

Тем временем португалец дошел до сути своих предложений. Он попросил нас по дипломатическим каналам обеспечить неприкосновенность Гоа и прочих мест, откуда их еще не выперли, а также выделить для охраны серебряных галеонов две, а лучше три маленькие боевые яхты. Судя по всему, он имел в виду «Победу». В обмен на это король устами своего посланца обещал нам любые концессии в Бразилии, за исключением мест, где уже обосновались португальцы.

– Нет, – вздохнул я, – концессии нам не нужны. А вот прямые поставки сока гевеи и бальсы не помешали бы. Что означают эти слова? Породы деревьев, вам их покажут на картинках и объяснят, где они растут.

В качестве иллюстрации я продемонстрировал посланнику некий предмет и объяснил, что он делается из сока гондодерева, произрастающего в метрополии, но таких деревьев там мало, а сока они дают еще меньше. Гевея же хоть и не идеально, но все-таки может их заменить.

– Но каково назначение этого изделия? – не понял собеседник.

Я объяснил, после чего португалец минут пять переваривал полученные сведения, а потом у него на физиономии начало проступать понимание, потихоньку переходящее в восторг. Весь его вид чуть ли не кричал: я понял! Понял, почему у австралийцев проблемы с заселением колоний! Да еще лет сто повального применения таких штук – и дальше у них и в метрополии никого не останется! Но углубляться в открывшуюся ему тему он не стал, а поинтересовался объемами наших потребностей. Услышав цифры, мой гость помрачнел, но все же пообещал довести их до сведения его величества, с чем и отчалил.

Перед сном я обдумал итоги первого дня нашего второго визита в Европу. Хотя остров Мадейра скорее всего относится к Африке, политика в его бухте началась самая что ни на есть европейская. То есть нас, как и предполагалось, потащили во всякие союзы. Правда, представители французских властей пока себя не проявили, но зато внезапно вылезли португальцы. И довольно кстати, потому как рабочих рук еще и на серьезную добычу бальсы с резиной у нас просто не было, а в Австралии эта ботаника созреет никак не раньше чем через пять лет. За такое действительно не жалко выделить для охраны два «Груманта» с командами по восемь человек на каждом.

Отбив в лондонское посольство радиограмму о том, что завтра мы покидаем Мадейру и, судя по погоде, через неделю будем в Дувре, я отправился спать.

Вскоре оказалось, что мой прогноз не совсем точен. Первый этап нашего путешествия завершился не через неделю, а спустя восемь дней, и не в Дувре, а в Куинборо. Из посольства сообщили, что нам предлагается идти туда. Наверное, Вильгельм не хотел так уж облегчать французам контакты с нами. Или сыграло роль то, что от Куинборо до Лондона было всего около восьмидесяти километров, а не сто с гаком, как от Дувра. Да к тому же добираться можно было и по воде.

На этот случай мы захватили с собой разборный катамаран с подвесным мотором – сорокасильной «Ямахой». К мотору прилагалась железная труба с небольшим паровым котлом, а внутри этой трубы находилась настоящая турбинка, которая великолепно выполняла возложенные на нее функции, то есть свистела, гремела, тряслась и плевалась паром. Аналогичное устройство, только поменьше, было присобачено и к квадроциклу, который мог взять на борт катамаран. Потому как лошади в качестве средства передвижения меня

устроивали не так чтобы очень. Из кареты ничего не видно, а верхом я ездил без особого блеска, если не сказать больше. Разумеется, это никого не удивило бы, ибо все уже знали, что в австралийской метрополии лошадей нет вообще, а в колониях они появились совсем недавно. И вообще мы, Романцевы, издревле специализировались по верховым мамонтам. Ну а в Англии, где их почему-то нет, придется ездить на квадре или велосипеде.

Глава 3

В отличие от первого визита сейчас погода в Англии откровенно радовала. И хотя на календаре было восемнадцатое ноября, на небе светило солнышко, на земле царила золотая осень, а термометр показывал плюс двенадцать градусов.

Монтировать катамаран мы начали еще в пути, так что через час после нашего прибытия в Куинборо он был спущен на воду. На борту «Чайки» уже имелся дворецкий из Кенсингтона, который должен был показывать нам дорогу, хотя, конечно, по докладам нашего посольства я ее и сам неплохо знал.

В общем, на катамаран погрузили сначала квадранс с прицепом, потом дворецкого, а затем туда перешел я в сопровождении трех бойцов охраны. Герцогиня пока оставалась на нашем корабле. Вообще-то поначалу она тоже рвалась выйти на английскую землю в составе первой партии, но я объяснил ей, почему это не лучший вариант. Ведь народ будет в основном пялиться сначала на катамаран, потом на квадранс, ну и моей персоне перепадет немножко интереса. Если же там окажется еще и Элли, то на ее долю останется не так уж много внимания публики. А вот на втором рейсе она станет главным объектом восхищения и сможет достойно продемонстрировать лондонцам свою неподражаемость, оттененную заморскими нарядами небесную красоту и так далее.

– Это, конечно, правильно, – задумалась Элли, – но как же быть с твоим... э... ограниченным территориальным правом? Которое на триста четырнадцать метров.

Дело было в том, что по австралийскому законодательству у Элли еще не вышел срок моратория на пересечение границ, и она вроде как не могла покидать Ильинска. Однако император издал указ, где говорилось, что я являюсь субъектом ограниченного императорского территориального права, в силу чего местность на триста четырнадцать метров вокруг меня условно считается австралийской колонией. И Элли теперь спокойно могла плыть со мной в Европу.

– Ничего страшного, – успокоил я супругу, – вот прямо сейчас сяду и напишу распоряжение, что от Кенсингтона до Куинборо триста двенадцать метров. То есть ты будешь абсолютно чиста перед законом. – Это я слегка ошибся с измерением расстояния. Надо только не забыть сразу по возвращении напомнить императору, чтобы он объявил мне за это выговор без занесения в личное дело, и все.

Отчалили мы в одиннадцать утра и за четыре с половиной часа достигли Лондона, а потом еще час с лишним плыли уже в городской черте. Не потому, что город был таким уж большим, хотя все-таки вдоль Темзы в нем было не меньше десяти километров, а из-за оживленного движения по реке. В городской черте оно было почти как на Садовом кольце в час пик. Если же уточнить, что я имею в виду не начало двухтысячных годов, а, скажем, конец семидесятых, моя метафора лишится всякого преувеличения.

Короче говоря, по Темзе во все стороны плавало до фига всяких посудин. От лодочек, где с трудом помещалось три человека и которые в основном сновали поперек реки, до корабликов размером примерно с «Победу», а то и побольше. Они, понятное дело, плыли вдоль.

Наконец в шестом часу вечера катамаран достиг моста, который в будущем называли Старым Лондонским, а в настоящем он был единственным. Размер его арок нам из посольства сообщили давно, так что катамаран там проходил, но к нашему появлению развели подъемную часть у левого, если смотреть с востока, края. Я с некоторым подозрением глянул на ржавые цепи, держащие поднятые части, но все же решил рискнуть: вряд ли они лопнут именно в момент нашего прохода.

Мост, конечно, на мой неискушенный взгляд, смотрелся донельзя экзотично. Казалось бы, он один-единственный в довольно большом городе. Построить его было непросто, нового в ближайшее время не предвидится, значит, надо по возможности увеличить пропускную способность имеющегося. Так нет, англичане поступили строго наоборот. Весь мост был застроен домами, причем вплоть до четырехэтажных! А посреди всех этих архитектурных излишеств торчал шпиль церкви.

Ладно, наличие на мосту лавок еще объяснимо, думал я, разглядывая этот средневековый памятник. В принципе можно понять, почему тут решили построить церковь, — для повышения посещаемости: место-то людное. Но кому понадобилось возводить на мосту жилые дома? Неужели в Лондоне земля столь дорога, что приходится пускаться на подобные ухищрения? А уж жить в них — брр. Это ведь даже не проходной двор — более точной аналогией будет перрон Казанского вокзала.

После моста мы проплыли еще километров шесть, пока не оказались у свежестроенной пристани высотой точно по борт груженого катамарана — ее соорудили к нашему визиту. Я взгромоздился на уже загруженный квадр, охрана заняла место в прицепе, и мы наконец-то оказались на английской земле. Катамаран развернулся и пошел назад, а мы двинулись на север, где в паре километров находился Кенсингтонский дворец, а чуть левее — Гайд-парк. Впрочем, меня туда не тянуло. Судя по докладам нашего посольства, ничего напоминающего шабашу всяких социалистов и либералов там пока не практиковалось.

Еще проплывая по Темзе, я обратил внимание, что на классический средневековый город из учебника истории Лондон похож не так чтобы очень. Улочки были не узкие и не кривые. Вот и сейчас я ехал по приличной ширины аллее, где несколько раз без проблем разъехался со встречными повозками.

Между прочим, лошади моего квадра не пугались. И значит, имевшие место на заре автомобилизма ограничения были связаны с заботой не о лошадях, а об их водителях. Вот они — да, боялись, что автомобили оставят их без работы, на почве чего и кинулись рьяно защищать фауну своей страны от натиска бензиновых чудовищ.

Сначала я заехал в наше посольство, где обнялся с ребятами, сгрузил барахло и отцепил прицеп, после чего на квадре отправился в соседний корпус дворца, к Вильгельму, который ждал меня к ужину.

У парадного входа случилась небольшая заминка. Навстречу мне бросились было двое в ярких ливреях, но в растерянности замерли. Скорее всего, это были конюхи или кто там еще должен заботиться о лошадях гостей. Поводья принять, отвести их на конюшню, что ли...

Я объяснил, что овса моему квадру не нужно, а вот чистой воды не помешает. После чего стравил давление и открыл крышку котла. За время пути от пристани до дворца вода там выкипела больше чем наполовину. Конюхи, посмотрев, куда и сколько лить, убежали, а я в сопровождении мажордома отправился к королю.

За почти два года, что мы не виделись, он немного постарел, в бороде прибавилось седины. Про голову я ничего сказать не мог, ибо Вильгельм был в парике.

Мы поздоровались по австралийскому обычаю, то есть пожали друг другу руки, после чего хозяин пригласил меня к столу. Судя по тому, что даже неизменный королевский камердинер появился только в самом начале, а потом исчез, Вильгельм решил в первую же встречу поднять какой-то серьезный вопрос.

Насколько я был в курсе, у него их имелось два: расстановка сил в преддверии неизбежной войны за испанское наследство и тяжелое финансовое положение Англии.

На втором, пожалуй, следует остановиться подробнее. Хотя последние десять лет экспорт этой страны стабильно превышал импорт, военные расходы заметно превосходили доходы бюджета. Собственно говоря, недавно закончившаяся война за Пфальц оказалась

одинаково разорительной для всех участвующих в ней сторон, но кредит Людовика был уже исчерпан, а Вильгельма еще нет. Однако в семнадцатом веке долги все еще было принято отдавать, и с этим в ближайшее же время могли возникнуть большие трудности. Правда, слово «дефолт» в обиход еще не вошло, но дело совершенно явно двигалось именно к нему.

– Друг мой, надеюсь, вы позволите вас так называть? – начал хозяин. – Как мне хотелось бы хоть в первую встречу послушать ваши занимательные рассказы о чудесах Австралии! Но, увы, тяжелое, даже, можно сказать, критическое положение вверенной мне страны диктует другое. Наверняка ведь вы в курсе текущего экономического положения Англии.

Я не стал отрицать, что в общих чертах я его себе представляю. Правда, про то, что в трюме «Кадиллака» лежало сто тысяч рублей, то есть полтонны золота, да еще на ту же сумму алюминиевых стальных как резерв на крайний случай, и это не считая трех килограммов драгоценных камней, я пока промолчал.

– Если хотите, я могу назвать вам цифры внешнего долга Англии, – продолжал король, – но, как мне кажется, они вам уже известны.

– Да, что-то около ста тридцати миллионов фунтов при совокупном доходе за прошлый год в сорок три миллиона, – кивнул я.

К сожалению, эти цифры мне предоставили не мои разведчики. Их вывел Давенант, а я нашел соответствующее место в монографии, посвященной Грегори Кингу, известному английскому экономисту.

– Судя по тому, что вы подняли этот вопрос, Фуггеры отказали вам в займе, – продолжил я делиться своими сведениями, на сей раз из реферата «Банкирские дома семнадцатого века».

– Еще нет, – улыбнулся Вильгельм, – и я, честно говоря, восхищен вашей осведомленностью. Но могут отказать, особенно если вы не захотите мне помочь.

– В принципе даже те самые сто тридцать миллионов не являются для Австралии запредельной суммой, – заверил я короля, – и вопрос только в обеспечении, которое вы сможете предоставить.

Вообще-то я почти не блефовал. Да, золота у нас не набралось бы и на пятидесятую часть потребных миллионов, но зато запас камней тянул на миллиарды. Правда, чисто теоретически, потому как при хоть сколько-нибудь массовой продаже их цена непредсказуемо упадет.

Вильгельм посмотрел на меня с интересом:

– Ну что вы, я вовсе не прошу у вас одолжить мне такие деньги. Более того, фактически можно обойтись вообще без займа, но именно фактически.

– А, – догадался я, – вы хотите получить авансовый платеж под наши предстоящие заказы? Но оформить его как займ, так?

– Почти. С вашей стороны было большой любезностью выкупить на часть денег некоторые долговые обязательства и не препятствовать слухам, что вы не собираетесь на этом останавливаться, – пояснил Вильгельм. – Если вы согласитесь, я буду весьма вам благодарен, а конкретные формы этой благодарности мы можем обсудить сразу после достижения принципиальной договоренности. Речь идет о сумме порядка двухсот тысяч фунтов.

– То есть примерно ста тридцати тысяч рублей? Ну тут с обеспечением вопросов возникнуть не должно, так что можете считать договоренность достигнутой.

Где-то за полчаса мы в первом приближении разобрались с финансовыми вопросами, и я познакомил короля с единственной имеющейся у меня светской новостью:

– Помните, в прошлый наш визит вам представляли капитана «Победы» Николая?

– Как же, очень приятный молодой человек. И сильно похож на вашего императора, особенно на снимок, где он молодой. Насколько я понимаю, он тоже относится к царствующей династии?

– Да, это сын Ильи Первого. В прошлый раз он пребывал в Англии инкогнито, а теперь просто с неофициальным визитом. Предваряя ваш вопрос: нет, он не наследный принц – у него есть старший брат.

– Простите, – задумался Вильгельм, – но ведь вы с императором одногодки. Сколько же вам лет?

Этот вопрос мы с Ильей уже обсуждали и решили, что нашим здешним официальным возрастом будет фактически минус сорок два года, так что я ответил:

– Мне сорок девять, как и его величеству.

– Выглядите вы значительно моложе, – вздохнул собеседник. – И, судя по портрету, император тоже. Однако вернемся к теме нашей беседы. Собирается ли принц Николай покидать борт своего корабля? И если да, то когда и как?

– Да, ему хотелось бы взглянуть на Лондон. А когда и как это устроить – на усмотрение вашего величества.

Мы договорились, что завтра с утра Вильгельм отправится на своей яхте в Куинборо, где пригласит принца, а заодно и герцогиню Романцеву быть его гостями в Кенсингтоне.

Ночевал я в посольстве, где перед сном успел ознакомиться с довольно интересной новостью, правда пока не подтвержденной. Якобы три месяца назад из Эдинбурга в обстановке повышенной секретности вышли два корабля. Их цель – двигаясь на юг от архипелага Огненная Земля, достичь границ австралийской метрополии и произвести там разведку.

Сообщение было похоже на правду хотя бы потому, что, по имеющимся у Вильгельма сведениям, там находилась самая малонаселенная окраина империи, где крупных городов вообще нет и лишь изредка встречаются охотничьи деревушки.

Немного подумав, я сел к рации. Где-то через час удалось связаться с Австралией, и я отстучал Илье характеристики кораблей, их особые приметы и то, что мои разведчики через завербованного портового плотника смогли выяснить у штурмана одного из них о предполагаемом маршруте. Предупредив, что все это вполне может быть дезинформацией английской разведки, потому как нашим штирлицам пока еще очень далеко до вершин мастерства.

Глава 4

Когда-то очень давно, где-то через пару месяцев после призыва в армию, я начал было курить, однако года через три бросил. Но с тех пор мне запомнилось, что курящий человек запаха табака практически не ощущает. А когда бросит, начинает его чувствовать опять. Причем, что интересно, он ему, как правило, куда более неприятен, чем тем, кто и не начал курить.

Нечто похожее произошло и с Элли. Нет, не подумайте, смолить моя супруга не начала, хотя была несколько удивлена тем, сколь энергично я однажды послал некоего лорда, вздумавшего разузнать у меня насчет поставок табака в Австралию. Пришлось прочитать ей краткую лекцию о вреде курения.

Но ее трудности все-таки оказались связаны не с табаком, а с тем, что она выросла в обществе, где мыться в нашем понимании было в общем-то не принято. Гигиенические процедуры для дам высшего света заключались в том, что оные дамы иногда обтирались мокрой тряпкой над тазиком с водой. Но не злоупотребляли подобным: одного раза в два месяца хватало самым чистоплотным. Примерно так же обстояли дела и у мужчин.

С детства живя в такой обстановке, Элли свыклась с тем, что человек должен пахнуть. А тут вдруг она оказалась среди австралийцев, которые принимали душ чуть ли не каждый день! Или просто обливались водой из ведра, если душа рядом не было. Причем и ей пришлось с ходу привыкать к таким процедурам, еще будучи моей невестой. И она привыкла, но, вернувшись в Англию, вдруг обнаружила, что запахи, которых она раньше не замечала, теперь противны ей чуть ли не до рвоты.

Через два дня после нашего прибытия в Англию Вильгельм устроил малый королевский не то прием, не то бал по случаю неофициального визита австралийского принца Николая, на котором, естественно, присутствовали и мы с Элли. В общем, гости сначала потихоньку собирались в большом зале, где титулы каждого выкрикивал специальный мужик с луженой глоткой и жезлом, коим он стучал об пол после каждого своего вопля. Нас с Элли представили после того, как был объявлен последний из местных, потом озвучили титулы Николая, а в самом конце на торжество явился его величество Вильгельм Оранский.

Кстати, перед приемом король спросил меня о том же, о чем в свое время и наш император, – что я буду делать, если оказываемые моей жене знаки внимания покажутся мне выходящими за рамки приличий. Естественно, я ответил ему примерно то же, что Илье. Вильгельм кивнул стоящему рядом камердинеру, и тот куда-то отчалил – скорее всего, предупредить гостей о специфике предстоящего действа.

Так вот, явился король, еще раз представил присутствующим принца Колю, а потом и меня с герцогиней до кучи, после чего заиграла музыка. Но танцевать никто не начинал, мужчины, открыв рот, пялились на Элли, а дамы делили внимание между ней и принцем. Посмотреть, честно скажу, было на что. Наряд моей супруги смотрелся совершенно вызывающе, а сама она на фоне прочих особей женского пола казалась пастушкой в свинарнике. Массивная же фигура Коли вызывала восхищенные взгляды дам и завистливые – мужчин. Он еще немного недотягивал до своего отца вширь, но зато был выше его на пару сантиметров, а любого из присутствующих, кроме меня, – как минимум на голову. В данный момент он хмуро озирали собравшееся общество.

В какой-то мере в этом были виноваты мы с Ильей. В преддверии выхода в свет бедный Коля был напичкан страшными рассказами о коварстве женщин, которые в этой дикой Европе начнут вешаться ему на шею, причем все без исключения из самых низменных побуждений. Для закрепления материала принцу подсунули «Трех мушкетеров», посовето-

вав обратить особое внимание на образ миледи. Впрочем, Николай давно уже был не мальчиком, ибо с его внешностью, да еще в условиях примерно двойного количественного преобладания женщин в Ильинске, подобное являлось просто невозможным.

И вот сейчас он переводил свой взгляд с одной дамы на другую, и в нем ясно читалось что-то вроде: «Нет, конечно, если Родина прикажет, я могу и не такое, но по своей воле – хрен! Идут они все лесом, и где только таких уродин откопали».

Оказывается, все ждали первого танца короля, на который он пригласил Элли. Ну а потом народ помаленьку разошелся. В общем, десяти минут моей супруге хватило, чтобы вцепиться в меня и заявить:

– Алекс, отвечай всем, что я не танцую! О боже, тут совсем нечем дышать!

По ней, правда, нельзя было сказать, что она так уж страдала, но все-таки весь оставшийся вечер мы провели у окна в компании принца Коли. Элли не скупилась на характеристики время от времени подгребающих к нам дам и кавалеров, Коля скучал, мне пока было интересно, но не так чтобы уж очень.

После танцев был легкий ужин, где Николай сидел по правую руку от короля, мы с Элли – по левую.

– Кажется, у вас в Австралии балы проходят несколько по-другому? – осведомился король.

Я напряг память. В Ильинске отродясь не было никаких балов, пляски мориори происходили под аккомпанемент бубна и, как правило, по ночам, а всеобщий праздник пока имелся только один – Новый год. Так что я вынужден был припомнить и свою молодость, а потом сочинить из обрывков воспоминаний некий гибрид.

– У нас всякие увеселения устраиваются ночью, – объяснил я, – и в несколько иной последовательности. Сначала народ напьется, а только потом начинает плясать под бубен, гармошку или проигрыватель. Если же кто не силен в искусстве хореографии, то он продолжает пить в компании таких же. Некоторые, правда, считают, что всякий приличный праздник обязан кончиться хорошей дракой, но властью это не приветствуется.

Через пару дней после бала нас посетило официальное французское посольство, благо война уже закончилась, и Людовику пришлось скрепя сердце подписать бумагу о том, что Вильгельм никакой не узурпатор, а, наоборот, самый что ни на есть легитимный английский король. И теперь их посол маркиз де Маргон с тремя сопровождающими его шестерками смог среди бела дня явиться в Кенсингтонский дворец.

Вот она, благодарность королей, мрачно подумал я, глядя на делегацию. Когда для связи с нами требовалось на утлой лодочке декабрьской ночью прошмыгнуть мимо английской пограничной стражи, то посылали де Тасьена, несмотря на его невысокий титул. А как визит перестал быть сопряженным хоть с какой-то опасностью, про виконта даже не вспомнили – и со мной желает разговаривать какой-то лощеный хмырь, на которого и смотреть-то неприятно! Нет, ребята, так не пойдет, подумал я и принял соответствующие меры. По результатам которых через три часа после начала визита сопровождающим маркиза было вручено его бесчувственное тело и письмо следующего содержания, адресованное французскому королю:

«Дорогой Людовик под номером четырнадцать, именуемый также Король-Солнце!

Чем же я так прогневал ваше величество, что вместо великолепного Александра де Тасьена, в чьем облике интеллект органично сочетался с высочайшими душевными качествами и все это было помножено на беззаветную отвагу старого солдата, вы прислали на переговоры какого-то тонконового недомерка? Лик которого не отмечен печатью

ни одного из достоинств, присущих де Тасьену, а невоспитанность дошла до того, что этот слабак всего после третьего стакана упал хлебалом в салат и начал там храпеть, урод. Чмо это болотное, а не посол, вы уж извините за мой французский.

С уважением...

Титул, дата, подпись».

Я не спешил, ибо мои разведчики доложили, что царь Петр пока еще в Голландии, но буквально на днях собирается в Англию. И решено было подождать его тут, чем спешить куда-то с риском разминуться по дороге.

Кроме письма Людовику мне пришлось накорябать еще несколько распоряжений про расстояния от Кенсингтонского дворца до множества объектов в Лондоне, иначе пришлось бы сопровождать Элли во всех ее многочисленных визитах. Нет уж, пусть она поедет одна. Во-первых, я ей все-таки в значительной мере доверял, ибо герцогиня была отнюдь не душой. Ну и вопросы супружеской верности все-таки волновали меня не настолько, чтобы из-за них забросить гораздо более важные дела.

В основном мне пришлось заниматься размещением наших заказов на продукцию английской металлургии. Но на сей раз не в виде чушек – мы хотели получить готовые отливки заготовок под цилиндры и поршни паровых машин, которые у нас будут только обрабатываться. На прямые вопросы, зачем нам понадобились именно такие детали, я не отвечал, но не препятствовал распространению слухов, что это части каких-то очень мощных пушек. Кроме чугунных заготовок нам нужно было и листовое железо для котлов. Медь же мы заказывали в прутках, чтобы из них в Ильинске удобнее было делать проволоку. Вообще-то мои запасы самых разнообразных проводов еще далеко не закончились, но следовало заранее позаботиться о будущем.

Вся эта возня была довольно далека от завершения, когда через неделю после первого визита французов состоялся второй. Видимо, Людовику очень хотелось побыстрее стать счастливым обладателем дирижабля, потому как эту делегацию возглавлял виконт Александр де Тасьен. Однако до его появления я все же успел побеседовать на воздухоплавательные темы и с Вильгельмом.

Разумеется, то, что маркиз де Маргон не понравился мне с первого взгляда, вовсе не являлось основной причиной написания приведенного выше письма. Она заключалась в том, что к его визиту у меня еще не было полной ясности в данном вопросе. Ну а что Людовик после такого послания затаит обиду, ибо все источники характеризовали его как на редкость злопамятную скотину, меня не очень пугало. Ведь что ни говори, а главным и давним его врагом был Вильгельм, с которым мы просто соревновались в выражении дружеских чувств друг к другу. Так что любовь французского короля мне все равно не светила.

В свое время, еще в Ильинске, я неоднократно обсуждал европейские дела не только с Ильей, но и с Виктором.

– Дядя Леша, – спросил он меня, – так мы что, будем поддерживать не Францию, а Англию?

– Витя, – отвечал я ему, постаравшись, чтобы мое выражение лица приобрело должную торжественность, – говорю тебе как пастырю. Австралийская империя, движимая высочайшей моральностью ее руководства, то есть и тебя в том числе, а также христианскими ценностями, всегда будет поддерживать слабого. Она в этом видит свой долг. Вот так, кто в данный момент слабее среди противоборствующих сторон – того и поддержит. Разумеется, если такая поддержка будет иметь смысл, – той же Испании, например, помогать уже поздно. В данный момент Франция является чуть ли не сверхдержавой в Европе, и это значит, что в ближайшее время нам следует дружить с Англией.

В общем, примерно из таких соображений я и пошел навстречу желанию английского короля уточнить, во что же может встать его стране создание воздушного флота.

– Видите ли, – сказал я, – дальность наших летающих кораблей, которые мы называем дирижаблями, не безгранична. У лучших экземпляров она не превышает трех тысяч миль.

Вообще-то, конечно, я назвал первую пришедшую мне в голову цифру, ибо на том изделии, которым мы собирались осчастливить Людовика, лично я не взялся бы пролететь и трехсот километров. А «Граф Цеппелин» имел расчетную дальность всего в семьдесят, но дальше двадцати километров от аэродрома Франсуа на нем не летал.

– Трех тысяч миль, – повторил я. – Причем даже во время последней атлантико-австралийской войны воздушные корабли не могли летать намного дальше – для их доставки к месту боевых действий служили специальные суда, именуемые авианосцами. Но сейчас, скажу вам по секрету, у империи таких кораблей нет. Правда, уже рассматривается программа их строительства, но это достаточно долгое дело. Я веду речь к тому, что, прежде чем окончательно договариваться о стоимости дирижаблей, нужно внести ясность в вопрос их доставки. При отсутствии авианосцев выбора как такового нет. Единственная возможность – везти их в разобранном виде на кораблях, а потом собирать неподалеку от той страны, куда они предназначены. Именно неподалеку, а не в ней, потому как дирижаблестроители являются вершиной инженерной элиты империи и допустить пребывание их на чужой территории невозможно ни под каким видом.

В этом месте Вильгельм уже явно начал понимать, к чему идет разговор, и я продолжил:

– Принадлежность территории я имею в виду не юридическую, а фактическую. На бумаге она может принадлежать кому угодно, но фактически никакой власти, кроме австралийской, там быть не должно. Поэтому как вы смотрите на сдачу нам в аренду островов Силли, например? Лет так на девяносто девять. Я решил в первую очередь обратиться с подобной просьбой именно к вам, учитывая сложившиеся дружеские отношения между нашими странами. Однако вы, разумеется, понимаете, что в случае отказа Австралия просто вынуждена будет предложить что-то подобное Франции, Испании или Португалии.

Ясное дело, что Вильгельм попросил время на раздумья, правда, добавив, что лично он не видит в моей просьбе ничего неприемлемого. Однако данный вопрос не относится к тем, которые английский король может решать единолично, добавил мой собеседник.

Да уж, подумать ему теперь есть над чем. С одной стороны, в случае положительного решения прямо под носом у Англии образуется чужая военная база. И, судя по поведению австралийцев, они смогут в случае чего ее защитить, иначе не предлагали бы подобного. Но есть и другая сторона проблемы – при скорости австралийских судов и дальности полета их дирижаблей, которые, кстати, летают наверняка быстрее, чем плавают корабли, расстояние от базы до Англии особой роли не играет. Будет ли она в тридцати милях или тысяче, на результате это скажется мало. А в таком радиусе множество островов, и какой-нибудь австралиец все равно получит. Наконец, чем ближе австралийская база будет к Англии, тем проще при прочих равных условиях туда будет попасть англичанам и труднее – их противникам.

Однако кое-какие соображения у Вильгельма появились сразу, и он не замедлил ими поделиться:

– Понимаете, просто так отдавать кусок территории, пусть и в аренду, чревато непониманием общества. Но вот если произвести обмен...

– Да за-ради бога! Где тут у меня карта-то лежала? Вот она, смотрите. Замечательный остров, по площади раз в сто больше всех островов Силли, вместе взятых. И очень удобно расположен – как раз на полпути между Новой Австралией и метрополией. Мы его специ-

ально не объявляли колонией: была мысль устроить там торговую базу, но с этим вы, если появится желание, справитесь ничуть не хуже. Вот, любуйтесь, остров Махорий.

Вообще-то этот остров назывался Маккуори, но я не хотел вводить англичан в искушение столь явно шотландским названием, поэтому слегка австралифицировал его.

– Это, пожалуй, упрощает задачу, – оживился Вильгельм. – Вы позволите взять эту карту, чтобы показать ее кое-кому?

– Да, разумеется, и вот вам еще несколько фотографий с пейзажами острова. И пожалуй, давайте опять вернемся к дирижаблям. Вы совершенно правы в своих подозрениях, что большие воздушные корабли очень дороги не только в производстве, но и в эксплуатации. Гораздо дороже линейных кораблей – в десятки, если не в сотни раз. В Европе сейчас просто нет страны, которая могла бы позволить себе содержать хоть один воздушный линкор, даже если каким-то чудом и ухитрилась бы его купить. Так что оптимальными для начала будут малые дирижабли наподобие заказываемого Людовиком. Заодно на них вы сможете и подготовить кадры. Ну а конкретную цену можно будет уточнить после принятия решения по островам. Однако сразу могу сказать, что для вас условия приобретения будут куда более щадящими, чем для французов.

Ну а вскоре, как я уже говорил, нас посетил де Тасьен во главе делегации из трех человек.

– Даже не знаю, благодарить вас за письмо к нашему королю или наоборот, – заявил мне гость, когда мы с ним после тоста «за встречу!» сели обедать. – Не ведаю, что вы там про меня написали, но король сказал, что вся моя карьера теперь напрямую связана с вашим летающим кораблем. По поводу переселенцев с вами уполномочен говорить мсье Равиньяк, это который мелкий и чернявый, а их перевозку вы можете обсудить с капитаном Жанну – она поручена ему. Мне же надлежит вникнуть во все вопросы, связанные с самим воздушным кораблем.

Тут де Тасьен вздохнул:

– Знаете, ведь в молодости я мечтал стать моряком, но как-то не сложилось. А теперь вот, пожалуй, придется сделаться... Как называются люди, управляющие воздушными кораблями?

– Пилотами. А что, очень достойная профессия.

Тут меня осенило. В проекте дирижабля для французов, а с позавчерашнего дня и для англичан оставалось одно узкое место. Угольная топка, да еще кочегар с лопатой сожрали бы больше половины лимита веса, на груз почти ничего не останется. Ставить туда нефтяную форсунку нам не хотелось. Но что, если в качестве топлива использовать спирт? Тогда вместо форсунок можно будет поставить что-то вроде паяльных ламп. Заодно и сделать этим приятное хорошему человеку – виконту Александру де Тасьену. Мало ли, вдруг в полете ему захочется утолить духовную жажду...

Глава 5

Яхта «Роял Транспорт», сделанная по проекту адмирала Кармартена и полгода назад подаренная Вильгельмом Оранским, бывшим тогда в Амстердаме, русскому царю Петру Алексеевичу, подходила к Куинборо. Когда до берега оставалось меньше мили, ей наперерез рванулся небольшой ботик, который вскоре подошел почти вплотную.

– Что за корабль? – заорали оттуда в рупор.

– Надо знать русский флаг! – гаркнул с яхты стоящий рядом с Петром Меншиков.

– Данилыч, ты тут потише, – осадил его царь. – Чай, не у себя дома.

– Закройте пушечные порты! – продолжали тем временем с ботика. – В бухте стоят австралийцы!

– Герр Петер, – вмешался капитан яхты голландец Рибек, – я слышал об этих людях. Про них говорят разное, но в одном сходятся все – открытые орудийные порты они воспринимают как вызов.

– Ну дикари, – хохотнул Меншиков, однако тут же получил подзатыльник от Петра.

– Действуй, как считаешь нужным, капитан, – кивнул Петр Рибеку и обернулся к Меншикову: – А ты свои замашки тут брось. Даже не знаю, брать тебя с собой в их посольство или с Головкиным идти.

После чего царь взял подзорную трубу. Вне всякого сомнения, корабли австралийцев – это те два, что стоят чуть в стороне, примерно в полукабельтове от берега. Низкие вытянутые силуэты, почти полное отсутствие надстроек, кроме небольшого выступа на юте, необычной высоты чуть скошенные назад мачты – таковы были эти пришельцы из неведомых земель. Во всем их облике чувствовалась какая-то нездешняя стремительность.

Вдруг от одного из кораблей отделилось небольшое странное судно, похожее на две скрепленные между собой чрезвычайно узкие лодки. Ни мачт, ни весел оно не имело, но тем не менее очень резво двинулось в сторону русской яхты. И через пять минут оказалось у ее борта. Из надстройки на носу вышел человек, с интересом глянул на яхту и вдруг на русском языке спросил:

– А нет ли, моряки, среди вас бомбардира Петра Михайлова?

Меншиков открыл было рот, но глянул на царя и осекся.

– Положим, я Михайлов, – вышел чуть вперед Петр, – а ты, господин хороший, кто таков?

– Капитан крейсера «Кадиллак», принц Австралийской империи Николай Баринов, – представился визитер. – И я уполномочен герцогом Алексом пригласить бомбардира Михайлова в гости, когда ему будет удобно. Если же господин бомбардир согласен нанести визит прямо сейчас, доставить его в Лондон и проводить до австралийского посольства.

– Ну и герцог, что у него принцы на побегушках, – потрясенно пробормотал Головкин, но у австралийца, судя по всему, был отличный слух.

– Не на побегушках, а под командованием! – рявкнул он. – Разницу понимаешь или мне объяснить?

При этих словах он как бы ненароком сжал правую руку в кулак. Петр с уважением посмотрел на принца. Кажется, парень совсем молодой, но до чего же здоровый! Такой, пожалуй, и с одного удара прильет, с него станется.

– Ты, ваше высочество, не гневайся на моего друга, – миролюбиво сказал Петр. – Это он сдуру. А что, герцог приглашал одного меня или со товарищи?

– Если брать кого с собой, то только одного, – пояснил австралиец.

– Как, Гаврила Иванович, не побоишься со мной к герцогу? – хмыкнул Петр и прямо с борта яхты спрыгнул на низкую палубу двойной австралийской лодки. Его примеру последовал Головкин, правда, не так ловко.

– Ханс, вееди яхту в Лондон, – приказал Петр Рибеку и ожидающе уставился на принца. Тот не больше чем на минуту зашел в носовую надстройку и, выйдя, сообщил:

– Сейчас отправляемся. В каюте есть сидячие места, но вообще-то погода отличная, я бы предпочел остаться на палубе. Господин бомбардир, не волнуйтесь – в посольстве вам все объяснят про наши двигатели и даже кое-что покажут, а здесь вы видите только кожух, закрывающий турбину и котел. Но вам никто не мешает рассматривать здесь что угодно, единственная просьба – не отвлекать расспросами рулевого: лучше обращайтесь ко мне.

Чтобы обойти суденышко, палуба которого имела четыре сажени в длину и две в ширину, Петру хватило пяти минут, за которые он смог заглянуть даже вниз, под соединяющую поплавки ферму, встав для этого на четвереньки. Естественно, он побывал и в каюте, где вдоль стен имелось две лавки для пассажиров, а спереди сидел рулевой. Что удивило Петра – этот рулевой именно сидел перед небольшим штурвалом, к тому же лишенным рукояток. Справа от него из пола выступала тумба с двумя большими и несколькими маленькими рычагами. Время от времени рулевой трогал один из больших рычагов, и тогда тон свиста с кормы менялся.

Катамаран, так называлась австралийская двойная шлюпка, шел довольно быстро – царь на глаз определил его скорость примерно узлов в пятнадцать – и при этом обладал выдающейся маневренностью, которую продемонстрировал, лавируя между снующими по Темзе лодками. На первом повороте Головкин едва не упал, но принц вовремя придержал его за шиворот.

– Осторожнее надо, – пояснил он, – пока не привыкли, держитесь за поручни.

А Петр сразу подумал, что наверняка подобные суденышки имеют и военное назначение. В открытом море они не бойцы, их низкую палубу будет перехлестывать волной уже при пяти баллах, но вблизи берегов... Оборонять свою гавань от подхода вражеского флота, например. Кораблики маленькие, юркие, в них просто так не попадешь. А вреда могут нанести много, особенно если нападут, когда противник не ждет их и делает амбаркацию. Наверняка хоть одну пушку сюда установить можно, а у австралийцев они, говорят, хоть и невелики, но зело мощные. Или нагрузить этот, как его принц-то назвал? А, катамаран. Нагрузить катамаран порохом – такой брандер артиллерией не утопишь: больно быстр. В Азовском море, которое невелико, да в хорошую погоду, им цены не будет, сделал вывод Петр. И через Керченский пролив они смогут проходить помимо желания турок, если только те его вовсе какими-нибудь цепями не перегордят.

То-то и оно, что цены не будет, горько вздохнул про себя царь. То есть она будет, но такая, какой ему точно не осилить. Но, может быть, австралийцам тоже чего-нибудь надо от России? Или герцог звал его только за тем, чтобы поглядеть на царя из варварской северной страны?

За раздумьями путь пролетел незаметно, и вскоре катамаран уже швартовался к низкому, явно специально для него сделанному причалу. Петр ожидал, что их встретит самоходная повозка австралийцев, про которые он слышал еще в Голландии, но там стояла самая обычная, хоть и довольно роскошная карета.

Путь до австралийского посольства занял четверть часа, и вскоре Петр с Головкиным уже стояли перед двухэтажным особняком чуть в стороне от королевского дворца. Их встречал сам герцог – Петр сразу узнал его по рассказам. Впрочем, первым делом встречающий представился. Затем выслушал ответные представления гостей и усмехнулся:

– Я, конечно, совершенно не против принять господ волонтеров Михайлова и Головкина. Пообедать с ними, в картишки перекинуться или даже в шахматы, показать что-нибудь интересное... но не шибко важное. Правда, вообще-то мне хотелось бы обсудить гораздо более серьезные вопросы, касающиеся не только европейской, но и мировой политики, однако это можно сделать только с персонами соответствующего ранга. Так, может, я не совсем правильно расслышал вашу должность и титул, господин бомбардир?

– Ладно, – буркнул Петр, – твоя взяла, ваша светлость. Я – русский царь Петр Алексеевич.

– Совсем другое дело. Тогда господина Головкина сейчас проводят в выделенные вам комнаты, а вас, ваше величество, прошу в мой кабинет.

– Герцог, а может, без титулов обойдемся? – предложил Петр. – Зови меня просто Петер.

– Да запросто. Тогда я для тебя – Алекс, без всяких светлостей. Располагайся, перекусить нам сейчас принесут. А я пока подарки вручу, захваченные из Австралии. Вот тебе первый – шестизарядный пистолет, именуемый револьвером. Для производства выстрела необходимо...

Далее Алекс минут за пять объяснил и показал, как обращаться с револьвером. После чего достал второй подарок – складную шахматную доску, внутри которой, как в сундуке, лежали сделанные из неизвестного материала фигурки. Чем-то он напоминал слоновую кость, но был вроде как мягче на ощупь. И наконец, гостю были вручены два роллерных карандаша вроде того, что ему в Амстердаме показывал Вильгельм.

Тем временем невысокий худощавый человек явно неевропейской наружности начал накрывать на стол. Петр сразу оценил широкий жест хозяина – он узнал металл, из которого была сделана посуда, хоть и ни разу его не видел. Алюминий, добываемый только в Австралии и ценящийся много дороже золота!

Кроме жаркого к столу были поданы еще и небольшие красные томаты. «Странно, – подумал русский царь. – Я видел точно такие же в оранжерее одного амстердамского купца, и он говорил мне, что у этих красивых растений очень ядовитые плоды! Кого хочет травить австралиец?»

Тем временем на стол были водружены две бутылки, пара белых стаканчиков, сделанных как будто из яичной скорлупы, но почему-то гибкой, на чем сервировка была закончена.

– Выпьем за встречу? – предложил герцог. – Тебе наливаю водки – к спирту ты непривычен. Вон огурчики на закуску, помидоров не предлагаю.

– Что за спирт такой?

– Вроде водки, только очень крепкий. В принципе, конечно, можешь попробовать. Что, налить? Ладно, только пить надо на выдохе и залпом.

После чего герцог продемонстрировал, как это делается. Занюхал рукавом, подождал минутку и потянулся к томатам.

Петр попытался повторить и в результате пару минут судорожно хватал ртом воздух, не в силах сказать даже полслова.

– На, запей, – пододвинул ему стакан с водой Алекс и потянулся за вторым помидором.

«Ну, силен герцог, – подумал молодой царь, отдышавшись. – Пьет такое даже не морщась, как воду, да еще ядовитыми плодами закусывает!»

– Давай налегай на жаркое, – предложил ему герцог, – и не стесняйся, тут тебе не Версаль, так что ешь, как тебе привычной. Вообще-то мясо удобнее есть вилкой с ножом, но в принципе можно и руками.

Петр налег на мясо, в котором признал баранину, с гарниром из страшно дорогого китайского злака, именуемого рисом. Когда и с тем и с тем было покончено, Алекс налил в стакан воды, взял какой-то маленький пакетик, про который Петр решил бы, что он сделан

из золота, не будь тот столь гибким. Герцог надорвал пакет и высыпал в стакан находящийся там оранжевый порошок. Вода начала пузыриться.

– Апельсиновая шипучка, – последовало не очень понятное объяснение.

Петр глотнул. Неплохо, вынужден был он признать. В чем-то даже вкуснее кваса.

Австралиец же перешел к делу:

– Насколько я в курсе, тебе не удалось договориться с голландцами по поводу помощи в войне с Турцией. Австрия тоже не союзник. Она свое уже получила и теперь хочет выйти из войны, а до России ей дела нет, что бы там ни говорилось и ни писалось ранее про священную войну с басурманами. Так?

– Так, да не совсем, – вскинулся Петр. – Вильгельм сказал, что подумает. И еще полгода назад он советовал мне обратиться к вам.

– Умный, вот и советовал. Так чем же Австралия может помочь России?

– Я тут уже начал немного разбираться в европейской политике и поэтому, ты уж не держи зла, спрошу сразу. Чего она захочет за помощь? Задаром тут никто никому помогать не будет.

Сказав это, Петр дернул щекой и полез за трубкой.

Герцог поморщился, пробормотал, что курить вообще-то очень вредно, но все-таки поднес огонек из маленькой полупрозрачной вещицы, которую назвал зажигалкой.

– А здесь вам не тут, – загадочно сказал он и пояснил: – Австралия может позволить себе оказывать помощь своему стратегическому союзнику, не требуя взамен ничего сиюминутного. Что такое стратегический союзник? Не такой уж это простой вопрос. Представь себе, Петер, что у тебя есть друг. Польского короля Августа ты вроде называл именно таким словом. Так вот, как по-твоему, сможет он тебя предать?

– Мм... – замялся Петр. – Сей куртизан пожалуй что и сможет. Если ему предложат что повыгодней.

– Вот-вот, в самый корень смотришь. А, скажем, Александра Даниловича ты другом считаешь или просто так, слугой? И если он друг, то как по-твоему – предаст или не предаст в случае чего?

– Да ты что? Я же не слепой, вижу, что за человек. Хоть и вороватый, но верный! Да и кто ему что предложить сможет, на кое он обменяет место рядом с государем?

– Видишь, ты сам все и сформулировал. Стратегический союзник – это тот, кто ничего не выиграет от разрыва с тобой, но зато может поиметь немалые выгоды от союза. Так вот, Австралию Россия в таком качестве устраивает. Осталось узнать мнение по этому вопросу другой стороны, то есть тебя, герр Петер. А что мы попросим за нашу помощь – договоримся, когда дело до того дойдет. Ничего невозможного или неприемлемого мы требовать не будем, обещаю.

Петр несколько растерялся – слишком многое на него свалилось за последние несколько часов. Герцог, кажется, это понял, потому что предложил:

– Такие дела с налету не решаются, так что я не тороплю. А пока в шахматы сыграть со мной не хочешь? Или пошли в парк, постреляешь из револьвера.

Молодому царю хотелось и того и того, но начали они с шахмат. Первую партию Петр проиграл совершенно позорно, в самом начале зевнув ладью и сдавшись на двадцать каком-то ходу. «Да, – подумал он, – с этим герцогом играть – совсем не то что с Шереметевым или с попом Биткой». Вторая партия продолжалась подольше, но кончилась тем же самым.

– Горазд же ты, Алекс, в шахматной игре, – с уважением покачал головой царь.

– Первый разряд, – опять выдал не очень понятное австралиец, – хотя сейчас, пожалуй, я бы его не подтвердил. Ну а теперь пошли в парк? Все необходимое для перезарядки револьвера вот в этой шкатулке, держи.

Револьвер молодому царю очень понравился. Правда, он не смог попасть в деревянную фигуру даже с двадцати шагов, хотя австралиец, показывая, как надо стрелять, положил три пули подряд с тридцати.

– А ваши ружья, говорят, бьют на полтораста шагов? – спросил царь после того, как были расстреляны оба заряженных барабана. – Это правда или...

– Врут, – пожал плечами герцог. – Для солдата-первогодка у нас норматив таков: четыре пули из шести в ростовую мишень – со ста пятидесяти метров, это примерно двести шагов, или семьдесят саженей. Для ветеранов – то же самое с двухсот метров.

– Но почему же тогда из лучших английских мушкетов со ста шагов в человека можно попасть не всякий раз, и то если давно с ними дело имеешь?

– Причин много, – пояснил австралиец. – Первая – точность изготовления ствола. У нас допуск по диаметру пять сотых миллиметра, а у англичан он даже у лучших мастеров раз в десять хуже. Плюс у них стволы хоть и немного, но кривые. Пули мы тоже делаем гораздо точнее, да и порох у нас более мощный. Вот все это вместе и приводит к такой разнице.

– Нам бы такие ружья...

– К ним, между прочим, еще и солдаты нужны, – усмехнулся Алекс. – А солдатам – толковые командиры. Мало того: и командирам тоже нужен некто стоящий над ними, четко понимающий задачи государства и пути их решения. У тебя все это есть?

– Нет, – чуть покраснел Петр.

– А ты не смущайся, у нас тоже много чего еще нет, а уж если вспомнить, что раньше было, так и тем более. Пока отдохни, с товарищем своим побеседуй. Ваше посольство вроде еще не добралось до Лондона, так что приглашаю отужинать у меня. В общем, в девять вечера жду.

За ужином герцог не пил спиртного и не предлагал Петру. Он сразу перешел к главному:

– Планирование любого действия следует начинать с осмысления того, что произойдет в случае полного успеха, – объяснил австралиец. – Говоришь, России нужен выход к морю? И поляки с датчанами уже склоняют тебя к мысли обратить взор на Балтику? Ну так представь себе, что ты уже отвоевал кусок побережья от устья Невы и до Риги включительно. Дальше что?

– Как что? – не понял Петр. – Торговать будем со всей Европой! Ведь сейчас как – в Архангельске иноземные купцы цены назначают какие хотят! Наши мне плакались, что им проще товар сгноить, чем продавать за такие деньги, которые там предлагают! А в России все есть – и пенька, и лен, и смола, и мачтовый лес, причем лучше и дешевле, чем в Европе.

– А чего же купцы сами не торгуют в заграницах – они что, из того же Архангельска до Амстердама доплыть не могут?

– Не больно-то им дают торговать в Амстердаме.

– Вот-вот. А оттого, что они приплывут не из Архангельска, а из твоего нового порта на Балтике, который еще надо будет построить, много изменится?

– Так что же мне, сиднем сидеть и наподобие наших бояр спесью надуваться – мол, исстари мы были Третьим Римом, а все остальное от лукавого?

Алекс встал, прошелся по кабинету и сказал, глядя в окно:

– Нет, сидеть не надо. Но и метаться тоже ни к чему. В общем, начинай-ка ты помаленьку думать вот о чем...

Беседа затянулась до полуночи, но и потом, придя в выделенную ему комнатку с низким потолком, Петр не мог заснуть почти до утра. Кстати, и когда это герцог успел узнать,

что ему нравятся именно помещения с низкими потолками? Но и наговорил ему австралиец изрядно. Что он там сказал про Керчь? Кажется, так:

– Тоже мне нашел проблему – взять Керчь. Во-первых, никто не заставляет брать ее в целом виде, не разрушив перед взятием. Но дальше-то что – ждать, пока турки соберутся с силами и выбьют тебя оттуда? А если нет, то где ты будешь строить укрепления на суше и как защищать крепость с моря?

«Вот так, – подумал Петр. – Тут ломаешь голову, думаешь, как сделать что-либо, а этот австралиец советует сначала решить – зачем, а потом как следует подумать, что будет дальше. Но помощь он обещал твердо». А Головкин не терял времени зря: успел побеседовать и с садовником в парке, и с конюхами, и все ему говорили одно – эти пришельцы из дальних земель слов на ветер не бросают. Значит, у России может появиться настоящий союзник, а не такой, как недавно ставший польским королем Август или бранденбургский курфюрст Фридрих, который хочет, чтобы Россия в случае чего защищала его от шведов, но сам воевать на ее стороне с турками не желает.

Но кроме политики герцог сумел зародить и еще одну надежду. Железные дороги, которые, в отличие от рек, лягут там, где их проложат, а грузов по ним можно будет провозить не только много, но и очень быстро. Дело невиданное, но ведь смогли же его осилить австралийцы! «Значит, надо смочь и нам», – решил Петр, уже засыпая под утро.

Глава 6

Я никогда не любил выбрасывать ставшие вроде как ненужными вещи. Ибо еще в школе уяснил один из основополагающих законов природы, звучащий примерно так: «Всякая вещь оказывается позарез необходимой максимум через день после того, как ее наконец-то выкинули за полной ненадобностью».

Однако офицерская жизнь как-то не очень способствовала практической реализации выводов из вышеописанного закона. До сих пор как вспомню, сколько всего пришлось оставить, подарить или просто выкинуть, – так жалко становится чуть ли не до слез. Но когда благодаря нашему дорогому Никите Сергеевичу меня выперли из армии, ситуация улучшилась. Потом появился гараж, в котором тоже можно было много чего хранить. Да и на работе ненужное барахло я предпочитал отправлять не на помойку, а в специальную комнату в подвале.

Переехав на жительство в деревню, я ухитрился захватить с собой большую часть накопленного за жизнь барахла. И, собираясь в прошлое, полгода распихивал по зазорам между ящиками в сарае всякие вроде бы ненужные вещи. Именно так у нас в Австралии оказалась целая коллекция антикварной фототехники, начиная от здоровенной фанерной камеры из фотоателье.

Однако следует уточнить, что сформулированный мною закон обратной силы не имел. То есть из того, что какая-то вещь не выбрасывалась десятилетиями, вовсе не следовало, что она не понадобится вообще никогда. Взять, например, гэдээровскую железную дорогу, подаренную мной сыну на десятый день рождения.

Это была замечательная вещь. Локомотивы имели не электрический, а пружинный ход, заводясь ключиком. В стандартном комплекте имелся паровоз, маневровый тепловоз и восемь вагонов, включая два пассажирских. И четыре метра рельсов! Впрочем, они продавались и отдельно, так что я сразу докупил еще четыре. И добавил три четырехосные платформы, которых изначально в этом наборе не было.

Но сыну железная дорога надоела через две недели. После этого, терпя насмешки жены, я иногда доставал ее поиграть уже сам, но последние двадцать лет игрушка не покидала своей коробки. И за неделю до отбытия в семнадцатый век эта коробка переместилась в сарай, вскоре прыгнувший в прошлое вместе со мной, Виктором и котом Ньютоном.

Поначалу я не очень представлял себе ее применения, но в процессе подготовки второй экспедиции в Европу меня осенило. Так коробка с игрушкой оказалась на «Чайке», а вчера она была продемонстрирована Петру. Причем бросалось в глаза, каких усилий ему стоило оторваться от нее и как будущему императору хотелось предложить за такое чудо что угодно, но он все-таки сдержался. Я тоже, хотя меня так и подмывало сказать: «Да забирай ты ее на здоровье и играй с ней сколько хочешь!» Но время подобных широких жестов еще не пришло, хотя его приближение чувствовалось по многим признакам.

К прошедшей встрече я готовился по классическому первоисточнику, то есть тридцать четвертой главе «Двенадцати стульев». Правда, речь Остапа Бендера, посвященная грядущему превращению Васюков в Нью-Москву с последующим междупланетным шахматным конгрессом, там была приведена не дословно, но на недостаток фантазии мне не приходилось жаловаться никогда, так что я без труда домыслил недостающее по месту. И кажется, неплохо провел беседу с царем Петром. Поначалу он слушал меня с недоверием, но очень уж ему хотелось, чтобы развертываемые мной перспективы оказались правдой! Так что его скептицизм по мере беседы уменьшался, а после показа модели железной дороги исчез окончательно.

Понятное дело, что демонстрировать я ее начал не просто так. Аккуратно подвел беседу к тому, что Петр сам мне пожаловался на огромные расстояния России, при которых основные торговые пути проходят по рекам. Но они, во-первых, чуть ли не по полгода покрыты льдом, а во-вторых, далеко не всегда текут туда, куда надо. В ответ на что мне оставалось только сообщить, что в Австралии эта проблема давно решена. И если ледяные дороги в российских условиях не очень оправданны, все-таки зима там не круглый год, то железные будут в самый раз.

– Скажи мне, Петер, – спросил я своего собеседника, – сколько груза сможет везти одна лошадь на телеге? Я имею в виду реально, скажем, от Москвы до Воронежа.

– Двадцать пудов, – прикинул Петр.

– Хорошо, пусть двадцать. А по рельсам та же лошадь потянет как минимум в десять раз больше! Если не в пятнадцать. Вот, смотри.

Показ железной дороги проходил в вестибюле посольского особняка, на мощенном не очень ровными плитами полу. Без рельсов в таких условиях тепловозик с трудом мог везти самого себя, переваливаясь маленькими колесиками по рытвинам и щербинам пола. Когда я прицепил к нему платформу, он начал то и дело застревать, а после того, как она была наполнена мелким щебнем, и вовсе не смог сдвинуться с места.

А потом я поставил локомотив на рельсы. Прицепил пассажирский вагон, за ним две двухосные платформы, потом три четырехосные. Нагрузил состав и отправил его в путешествие. Надо было видеть, какими глазами Петр смотрел на постепенно разгоняющийся поезд.

После первой встречи Петр взял двухдневный тайм-аут, проведя это время со своим посольством. Но потом опять появился ко мне. Разницу в поведении я заметил сразу.

В прошлый раз молодой царь смущался и вел себя несколько скованно, особенно в начале разговора. Сейчас же он пришел уверенный в себе и с четким планом действий.

– Ты все-таки скажи, – наседал он на меня. – Вот был бы ты русским царем – какое море воевать бы начал?

– Прямо сейчас – никакого, – пожал я плечами. – Армию сначала привел бы в порядок, чтобы она вся была как Преображенский и Семеновский полки. Производство пушек и пороха опять же нужно увеличивать. Офицеров учить: кто сейчас командовать будет? И только когда все будет готово, прикинул бы, кто сейчас слабее – Турция или Швеция, – вот по слабому и ударил бы. Потому что на самом деле России нужны оба моря, и вопрос только в том, какое отвоевывать первым.

– Так, значит, прав я, мысля воевать у шведов выход к Балтике!

– А вот ничего подобного. Во-первых, войну ты уже начал, и именно с турками. Заключишь ты с ними мир или нет – дело десятое: все равно ты должен будешь держать на южном направлении значительные силы, то есть практически вести войну на два фронта. Кроме того, Карл Двенадцатый – отличный полководец, хоть ему и всего восемнадцать лет. Ты уж извини, но и тебе, и твоим генералам до него еще далеко. А шведский солдат чуть ли не лучший в мире, куда там каким-то туркам. Сейчас для тебя шведы являются куда более серьезным противником.

Суть моей оговорки Петр уловил сразу:

– А не сейчас, попозже, или не для меня, а для тебя, они что, будут слабее?

– Разумеется, ведь ничто не вечно под луной.

Дальше я ему разжевывать не стал. Хотя смысл моей реплики был в том, что вся Северная война нашей истории держалась на авторитете и воинском искусстве Карла Двенадцатого. Учитывая же его не самую умную привычку во время сражений лезть вперед, ликвидация не будет представлять собой такой уж неподъемной задачи для небольшой снайперской группы. Заодно и офицеров проредят – они по форме хорошо отличаются от солдат.

Но, повторяюсь, я не стал говорить этого царю. Пусть думает сам. Или, если обратится к нам за помощью, когда Карл ему основательно вломит, посмотрит, как с проблемой справятся австралийцы.

Тут нам принесли обед, и Петр замолк, а ближе к десерту переключился на железные дороги.

– Дело, конечно, зело правильное, – выдал он итог своих раздумий. – Но сколько железа на них понадобится?

– Не железа: для начала сойдет и чугун. Сажень рельсового пути весит без малого сто пудов.

Тут я сделал паузу – мне было интересно, насколько быстро царь считает в уме. Оказалось, что очень неплохо, – результат он выдал примерно за минуту.

– Так это же из всего чугуна, что плавится в России, получится всего семьдесят верст в год!

– Правильно, но почему ты решил, что его нельзя плавить гораздо больше? Сам же Демидова собираешься отправить на Урал, где богатые руды.

– Кто сказал?! – вскинулся царь.

– Никто, просто я не дурак. Про то, что на Урале богатые рудные залежи, мы знаем со времен Мефодия и Кирилла. То, что Демидов недавно вернулся оттуда, после чего имел несколько продолжительных бесед с тобой, тоже не секрет. А сейчас он кузнецов и рудознатцев со всей округи собирает. Чего тут ждать, пока кто-то скажет? И так все ясно.

– Места там богатейшие, – вздохнул Петр, – но путь больно далек. А главное, людей-то где взять?

«Вот мы и подошли к главному, – подумал я. – К тому, ради чего я и затеял сближение с Петром».

– Чтобы обучить хорошего мастера, нужно пять лет, – пояснил я. – Но это в среднем – бывают такие самородки, что и за два все постигают. И железные руды в России есть не только на Урале, но и на Днепре, и под Курском. Австралия готова помочь в их освоении, что приведет к увеличению выплавки чугуна и железа в десятки раз, но на довольно жестких условиях.

Петр напрягся.

– Во главе выделенных под производство территорий ставятся наши люди, – начал я, – с правами царских наместников. То есть перечить им сможешь только ты, но это будет означать как минимум полный разрыв с Австралией, если не войну. А для всех остальных их слово будет царским.

Вообще-то самое главное я уже сказал и теперь ожидал полного неприятия данной идеи Петром, вплоть до вспышки ярости, но он нетерпеливо буркнул:

– Продолжай, чего замолк-то?

– Итак, в губерниях, где расположены эти зоны, а может быть, и в соседних, наши люди должны иметь право вербовать на работы добровольцев среди крестьян. При этом помещикам будет выплачиваться единая для всех утвержденная тобой компенсация.

– Где я столько денег-то возьму?

– Нами будет выплачиваться, – уточнил я. – Далее. Часть месторождений находится в беспокойных местах, – понадобятся воинские подразделения для охраны. Примерно полк. Вот его предоставишь ты. Кроме того, мы будем вербовать добровольцев не только в рабочие, но и в солдаты. После семи лет работы или пяти службы все эти люди получают волю, и все равно, чьими они были до этого. Наконец, отработав или отслужив по три года, каждый, если захочет, сможет уехать в Австралию.

– А если к вам побегут, как сейчас на Дон, выдавать будете?

– Только совсем ни к чему не годных. А кто пригодится – за того помещику деньги, да и то после того, как бумагу предоставит, что это его мужики.

– Круто берешь, – хмыкнул царь.

– Как умею. Зато у тебя будут и железные дороги, и ружья, каких ни у кого в Европе нет, и пушки.

– Давай мы вот как сделаем, – предложил Петр. – Устроим кумпанство. Директоров там будет два – один я, другой кто-то от вас.

– Наверное, я. Но как же мы решения-то принимать будем, если вдруг тебе захочется одного, а мне другого?

– Перво-наперво надо написать такой устав, чтобы в нем поменьше мест было, кои можно толковать криво. А вот как быть, если мы про такое заспорим, чего там не прописано... Жребий, что ли, кидать?

«Черт побери, – подумал я. – Было бы мне не девяносто с хвостиком, а хотя бы лет сорок, так подпал бы я под обаяние государя нашего Петра Алексеевича! Ничего не скажешь, отошел от первого смущения и попер, как танк на окопы. Ладно, учтем, что в беседе с ним надо воздерживаться от принятия решений под впечатлением от его напора».

Так что я отпил лимонада, прошелся по кабинету, еще раз прикинул, во что может вылиться предлагаемое мной, и наконец сказал:

– Жребий, говоришь? А что, это можно. Но с двумя оговорками. Первая – ты даешь слово, что пять лет от основания компании, то есть пока она будет организовываться, не станешь пользоваться своим правом требовать жребия. Поспорим мы о чем-нибудь, например, но ты меня убедить не сможешь. Значит, если так, придется тебе смириться с тем, что я буду делать по-своему.

– Ладно, пять лет сдюжу.

– погоди, я еще не кончил. Так вот, после этого еще двадцать лет конфликты будут разрешаться по неравному жребию. Бросаем кости: твои цифры – один и два, мои – три, четыре, пять и шесть. И только по истечении двадцатипятилетнего срока управление компанией станет равноправным.

– С управлением я понял, а как делить будем железо?

– Треть – нам, две трети – России. Но из своей доли она поначалу должна почти все выделять на строительство железной дороги, да и потом не меньше половины. Тут вот какое дело – для выплавки чугуна нужна не только руда, но и каменный уголь, причем его надо много. Плавильные печи следует ставить именно рядом с угольными шахтами. Однако только на Урале месторождения одного и другого рядом. Здесь же в самом лучшем случае получится сто верст, а если брать от самого богатого углем района до крупнейших залежей руды, то набегит четыреста. Вот тут в первую очередь и надо строить дорогу. А потом, когда чугун начнет плавиться миллионами пудов в месяц, можно будет использовать его и на иные нужды.

– Когда кумпанский устав писать начнем? – вскочил Петр. Ему уже не терпелось. – И как назовем сие предприятие? У англичан и голландцев есть Ост-Индские компании. Быть нашей Российской Ост-Австралийской!

– Лучше прямо в названии уточнить, что она образована при высочайшем участии, – предложил я. – Жалко, что ты не император, хотя непонятно почему – Россия же есть самая настоящая империя. И компанию можно назвать Российской Ост-Австралийской императорской. Два учредителя – наш император и ты. И два директора, как договорились.

В этот день мы с Петром вчерне набросали основные тезисы устава будущей компании. Потом он три дня будет обсуждать их со своими спутниками. Я тоже, если позволит состояние ионосферы, проконсультируюсь с Ильей, а затем состоится официальный визит русского

посольства в австралийское. Я пообещал, что вечером в честь этого события будет устроен грандиозный фейерверк, но предупредил, что стрелять мы будем из новейших и абсолютно секретных пушек, к которым послов не допустят. Но для господина бомбардира, учитывая сложившиеся дружеские отношения, будет сделано исключение. Если, конечно, он поклянется на Библии и поцелует крест в том, что никогда и ни под каким видом ничего об увиденном никому не расскажет. Пусть во время обсуждения устава у Петра свербит мысль – а что же такого мне покажет этот герцог? Глядишь, и документ получится более пригодный для приведения его в желательный для нас вид.

Смысл организации будущей компании для нас состоял в двух вещах. Первое – создать стационарную европейскую базу для отбора потенциальных иммигрантов. Одно дело, когда берешь не пойми кого, и совсем другое, когда эти люди годами работали у тебя на глазах. Вторым же пунктом нашего интереса являлся военный союз с Россией. Ведь при правильной организации дела всегда можно добиться того, что все металлургические и машиностроительные заводы компании без нашего участия окажутся неработоспособными, что придаст такому союзу дополнительную прочность. А нужен он в основном против поползновений морских европейских держав. Потому как времена, когда великую и могучую Австралийскую империю можно было между делом придавить пятью-шестью кораблями, давно прошли. Теперь для этого потребуется эскадра, соизмеримая с Великой Армадой. Но та же Англия десять раз подумает перед отправкой чуть ли не всего флота черт знает куда, если у нее под боком будет иметься неплохо вооруженный австралийский союзник.

Глава 7

Я вышел за пределы площадки, закрытой от любопытных глаз натянутым между кольями полотном. Хватит, чай, и на испытаниях настрелялся из этих минометов по самое дальше некуда. А вот Петра оттуда было не оттащить. Впрочем, этого никто делать и не соби-рался. Пусть резвится – ведь первый же раз в жизни человек стреляет из миномета! А что он уже ухитрился разодрать рукав кафтана, перемазать руки в масле, а физиономию в копоту – так это никому не интересные мелочи. Зато какой из него минометчик получился! Пять секунд на выстрел, я специально заметил время.

Все преимущества новых орудий молодой царь понял сразу, несмотря на то что сейчас они использовались для фейерверков. Во-первых, миномет бьет навесным огнем, то есть крепостные стены ничуть не помешают обстреливать то, что внутри них. И имеет очень высокую скорострельность – одно такое орудие заменит двадцать мортир похожего калибра. Надо думать, что сразу после салюта он начнет приставать ко мне с просьбами рассказать об устройстве как самого миномета, так и снарядов к нему.

Разумеется, я удовлетворю его любопытство и кое-что расскажу, но не все. И не сразу, объяснив, что не люблю суеты. У нас же на сегодня по плану осталось редактирование и утверждение статей с седьмой по одиннадцатую? Вот закончим с этим и перейдем к мино-метам, если, конечно, будет еще не очень поздно.

Ибо десятым пунктом шел статус будущих железных дорог, и я хотел документально зафиксировать, что они становятся территориями компании с момента утверждения плана постройки очередного участка. И пусть лучше Петр не очень задумывается, почему записы-вается именно такое, а спешит поскорее поставить свою утверждающую подпись под окон-чательным вариантом.

Мне так и не удалось толком проконсультироваться с Ильей по поводу организуемой компании. Во-первых, связь была довольно плохая. Но дело было не в ней, а в том, что Илья начал сеанс с сигнала, что у него важное сообщение, и передал его два раза подряд. Смысл состоял в том, что на днях он уходит в экспедицию, а в Ильинске на хозяйстве остается Михаил. Император решил лично возглавить поиск двух английских кораблей, отправив-шихся открывать Антарктиду. К походу готовились «Победа» и почти однотипный с ней недавно спущенный на воду «Трабант».

«Чего ты там позабыл?» – отстучал я в Ильинск.

«Англичане должны найти нашу метрополию, – пришел ответ. – С нами идет Тахи Каура».

Ага, подумал я, ситуация начинает проясняться. Этот Тахи во время появления Ильи был младшим учеником шамана, но за прошедшие с тех пор четверть века он сильно под-рос в должности. В данный момент Тахи являлся верховным шаманом мориори и одновре-менно оберштурмпастырем Австралийской христианской церкви, ответственным за духов-ное окормление патагонцев и буратин. А теперь, значит, Илья потащил его с собой на поиски английской экспедиции? Кажется, я понял, что они там задумали. И передал:

«Успехов в разводе, Кашпировские!»

«Пошел к черту, конец связи», – пропищали наушники, и я выключил радиостанцию. Ладно, пусть Илья вспомнит молодость, авось и получится что-нибудь интересное.

Дело было в том, что свой путь к машине времени Илья начинал с изучения гипноти-зеров, ясновидящих и прочих экстрасенсов. Причем не жуликов, а тех, кто хоть что-то дей-ствительно мог. Так что по крайней мере теорию гипноза он знал неплохо, ибо не только читал соответствующую литературу, но неоднократно присутствовал на проводимых спе-

циалистами сеансах. Оказавшись на острове Чатем, мой друг несколько раз применял свои знания на практике во время выступлений перед аборигенами. Тем же самым баловались и местные шаманы, наиболее способным среди которых со временем оказался именно Тахи. И теперь они с Ильей собирались найти англичан, для чего взяли с собой все три мои лучшие летающие модели с телекамерами. А найдя, как-то убедить пациентов в том, что они действительно видели австралийскую метрополию. Разумеется, внушаемыми окажутся не все, но это означает только то, что экспедиция вернется домой далеко не в полном составе.

После салюта еще раз мысленно пожелал успеха обеим экспедициям – и английской и австралийской, – а затем отправился к себе: по свежим следам перенести на бумагу свои впечатления о Петре, посмотреть видеозаписи и выделить наиболее интересные моменты. В основном меня интересовали периодические судороги, дергающие его правую щеку, но и все остальное, из чего потом можно будет составить достоверный психологический портрет, тоже лишним не окажется. Ибо всем известно, что одной из доминирующих черт всякого порядочного австралийца является сострадание к ближнему! И естественно, я исключением из этого правила не являлся, то есть уже начал потихоньку сострадать Петру. Ну в самом деле, что за жену ему подсунула покойная мамаша! Помощи в делах от нее даже не ноль, а отрицательная величина. Пока царь тут мечется по Европам, причем не знаю, как в Голландии, а в Англии он даже любовницы себе не завел, все времени не было, эта дура связалась с оппозицией. Там ведь скоро стрелецкий мятеж начнется, если кто не в курсе. Ладно, с первой супругой Петр неплохо разберется и сам. Но он ведь хоть и не сразу, но найдет вторую – будущую императрицу Екатерину Первую. Однако вот здесь ему лучше немного помочь. Одним из основных достоинств той Кати было умение массажем снимать мучающие царя головные боли. Так у меня про мануальную терапию прорва информации из двадцать первого века! А среди мориори тоже есть неплохие специалисты, работающие по своим методикам. И разумеется, в школе имени Штирлица третий год учатся просто замечательные девушки, каждая из которых, я уверен, окажется Петру куда лучшей женой, чем он выбрал сам. А точнее, просто вытащил из-под Меншикова.

Покончив с записями, я глянул на часы – четверть двенадцатого, то есть еще не поздно посетить супругу. Тут мне, конечно, могут возразить, что подобное никогда не бывает ни поздно, ни рано, и я в принципе соглашусь. Но мне нужно было успеть еще и побеседовать с ней по поводу завтрашнего бала, который будет дан в нашем посольстве якобы в честь Франца Лефорта, а на самом деле Петра.

У меня была мысль предложить Элли включиться в работу по снабжению русского царя идеальной женой. Ведь она женщина, ей будет виднее, к каким именно типажам окажется особенно равнодушен опекаемый. Заодно можно будет уточнить, сколь далеко заходит ее лояльность по отношению к Мосли, то есть что она расскажет ему о нашей беседе и последовавших за ней своих действиях. Ведь я не зря лично принимал участие в изготовлении утыканных драгоценными камнями побрякушек, без которых она не выходила из посольства. Ну нельзя же, в самом деле, выпускать бедную девочку в такой опасный город, как Лондон, без радиомикрофона!

Поначалу Элли чуть не обиделась – она почему-то решила, что я хочу подложить Петру именно ее. Пришлось потратить минут десять на объяснения, что она мне и самому нужна, а для Петра найдутся другие, девушек в Австралии много. Элли поверила, для порядка чуть надулась, что я, оказываясь, счел ее женское обаяние недостаточным для выполнения подобной задачи, после чего включилась в обсуждение проблемы. Свелось оно в основном к раздумьям – что надеть ей, что мне и каким образом нам следует явиться на бал. Герцогиня решила, что оптимальным вариантом будет приезд на велосипедах.

– Со второго этажа на первый? – не понял я.

– А что, на них можно ездить и по лестницам? Милый, но почему же ты меня до сих пор этому не научил?! Как было бы оригинально, просто слов не хватает. Ну а завтра мы с тобой явимся на бал прямо с моциона, который будем совершать по Гайд-парку. И почему там до сих пор нет асфальтовых дорожек, как у нас в Ильинске? Скажи об этом королю, а то мне как-то неудобно. И давай еще раз уточним, в каком порядке пойдут мелодии в музыкальной шкатулке.

Под это изделие был замаскирован небольшой комбик. Собственно, для превращения его в музыкальную шкатулку потребовалось всего лишь пустить позолоту по ребрам, вклеить в углы небольшие рубины и снабдить ручкой, какие в свое время были у патефонов. Мы собирались продемонстрировать темным европейцам не только велосипеды, но и вальс. Пусть учатся, а то ведь до рождения Штрауса осталось всего сто с небольшим лет, а про вальс до сих пор никто вообще не слышал.

С моей точки зрения, бал прошел весьма неплохо. Его организацией занимался наш военно-морской атташе лейтенант Кеша Тамахи, и можно было сказать, что по крайней мере роль массовика-затейника он освоил вполне прилично. Русскую сторону, кроме десятка таращивших глаза на окружающее волонтеров посольства, представляли Петр, Головкин, Меншиков и, наконец, официальный виновник торжества Лефорт. Причем этот явно прибыл в Лондон именно для встречи с нами, потому как в той истории он не сопровождал Петра в Англию, оставшись в Голландии.

Я с интересом присмотрелся к царскому фавориту, именем которого в будущем был назван не самый маленький район Москвы. Да, не знал бы, что ему всего сорок три года, с ходу дал бы лет на десять больше, а потом, может, и добавил бы. Темные круги под глазами, когда-то утонченно-аристократическое, а теперь просто одутловатое лицо... нелегко же ему далась близость к царю.

Лефорт сказал приветственную речь на английском, потом я – ответную на русском, после чего глянул на Меншикова и провозгласил:

– Господа! Позвольте представить моего друга из прекрасной Франции. К счастью, война уже закончилась, и он может без помех посещать страны, ранее бывшие противниками его родины. Итак, прошу любить и жаловать – виконт Александр де Тасьен!

Своим приглашением виконт был обязан достижениям электроники. Разумеется, как только стало известно, в каком доме остановилось русское посольство, наш резидент и посол отец Юрий тут же озаботился постановкой там прослушки. И вскоре я слушал запись беседы царя с Меншиковым, где Алексахке было приказано выпить со мной как можно больше. Ага, так я и разбежался гробить тут вам свое здоровье. Как там говорится в татарских народных сказках? Вы сначала с моим меньшим братом справьтесь!

Петр тем временем представил мне Меншикова, а де Тасьен тут же предложил выпить за знакомство. Мы подошли к барной стойке, и вскоре начался, если можно так выразиться, турнир Россия – Франция. Вообще-то я болел за Алексахку – все-таки в какой-то мере свой, русский, можно сказать, почти австралиец. Но особых надежд у меня не было: я не раз видел виконта в деле.

Чуть забегаю вперед, скажу, что царский любимец и будущий светлейший князь проиграл этот турнир вчистую. Уже через полтора часа он был в бессознательном состоянии оттащен от стойки и положен в угол, а де Тасьен всего лишь приобрел преувеличенную устойчивость походки и некую благородную неторопливость речи. Морда же у него была красной и до начала турнира.

Пока Меншиков с де Тасьеном занимались дегустацией продукции посольского самогонного аппарата, начались танцы. Все дамы были англичанками, специально приглашенными на бал через Мосли. Кроме моей супруги, разумеется, которая уже второй год являлась

чистокровной австралийкой. Мы показали гостям тур вальса под «Амурские волны», потом под Штрауса то же самое проделал Вася Баринов с какой-то вроде как графиней, а затем начались менее экзотические пляски.

Петр во все глаза пялился на мою жену. Однако вскоре к нему подошел Мосли и, встав на цыпочки, что-то шепнул на ухо, после чего русский царь покраснел и теперь все время старался смотреть в противоположную от Элли сторону. Впрочем, это у него не очень хорошо получалось. Чтобы помочь молодому человеку справиться со смущением, я подошел к нему и завел разговор о стрелковом оружии.

Господин бомбардир воодушевился. Он уже видел наше барабанное ружье из тех, что мы привезли англичанам, и сразу спросил, почем это чудо техники мелким оптом. Услышав ответ, царь помрачнел, но я провел его в мастерскую при посольстве и показал там еще одно свое творение.

Вообще-то оно представляло собой мою вольную импровизацию на тему «Браун Бесс», основного ружья английской армии с тридцатых годов восемнадцатого и до начала девятнадцатого века. Я чуть уменьшил калибр и укоротил ствол, благодаря чему оружие приобрело хоть какое-то подобие баланса. И усовершенствовал курковый механизм. Теперь он состоял из пяти штампованных деталей и двух пружин. Кроме упрощения производства моя конструкция позволяла, скусив патрон, сначала насыпать порох на полку, а потом забивать патрон в ствол, что давало возможность несколько увеличить скорострельность.

– Но это не главное, – пояснил я, – вот, смотри. Только никому не говори про то, что увидишь. И держи молот.

Петру была вручена приличных размеров кувалда. Тем временем я достал свой вырубной штамп, раскрыл его, взял небольшой железный лист и докрасна нагрел его паяльной лампой. Затем положил железяку в штамп, прихлопнул крышку и скомандовал:

– Бей!

Царь ударил. Я раскрыл штамп, убрал обрубок листа и высыпал на железный стол все пять заготовок куркового механизма.

– Осталось только снять заусенцы, просверлить четыре дырки и изогнуть детали по шаблону. С такой операцией любой мальчишка будет справляться самое большее после месяца обучения, – закончил я показ передовых технологий. – И Российская Ост-Австралийская императорская компания готова организовать подобное производство в твоей стране.

Петр смотрел на результат всего одного своего удара, широко раскрыв глаза. Ведь он неплохо представлял себе, сколько труда потребует изготовление подобных деталей ранее известными способами. И какой квалификации мастера смогут справиться с этим.

– А стволы? – возбужденно спросил он. – Стволы можно так делать?

– За один удар – увы, нет. Но там тоже есть где упростить технологию. В общем, года через полтора можешь начинать заказывать заводам компании такие ружья.

– Долго, – разочарованно протянул царь.

– Кажется, есть такая русская поговорка: «Поспешишь – людей насмешишь». Один раз ты уже пытался взять Азов без серьезной подготовки. Показалось мало?

Собеседник помрачнел.

– Мне ведь предлагают союз против шведов, – буркнул он.

– Ага, Саксония и Дания. Да с такими союзниками никаких врагов не надо! Позицию Англии по данному вопросу ты уже прояснил?

– Еще нет – Вильгельм примет меня завтра вечером.

– Вот после этой встречи и вернемся к разговору про последовательность выхода России к морям. Хотя интуиция мне подсказывает, что ничего нового по сравнению со мной английский король тебе не сообщит.

Моя уверенность базировалась на том, что в Северной войне нашей истории, особенно в ее начале, англичане и голландцы хоть и неофициально, но совершенно недвусмысленно поддерживали шведов. А теперь, когда у Вильгельма образовался интерес к прорытию Суэцкого канала, английский монарх тем более постарается направить энергию Петра на создание трудностей туркам.

– Ладно, – предложил я, – давай возвращаться в залу, чай, не последний раз видимся. Посмотрим, как там Александр Данилович против француза – пока держится или уже спекся?

Глава 8

За всеми текущими заботами как-то незаметно наступил новый, одна тысяча шестьсот девяносто восьмой год. Сразу после сравнительно скромного празднования я занялся примерно тем, чем мой кот Ньютон по прибытии на остров Чатем. И, что характерно, с очень похожим результатом.

Хвостатый, чуть освоившись на новом месте, облазил весь остров в поисках кошек, но его тогда постигло глубокое разочарование. Я же, фигурально выражаясь, перерыл чуть ли не все английские острова в поисках хотя бы одного турка, но тоже потерпел фиаско – турок в Англии не водилось. Более того, де Тасьен заверил меня, что и на атлантическом побережье Франции я их вряд ли найду. Тут надо было двигаться в Средиземное море.

Разумеется, подданный Османской империи нужен был мне вовсе не для того, для чего Ньютону кошка. Я просто хотел уточнить, как наши корабли будут форсировать черноморские проливы – с шумом или без такового. Потому как в связи со скорой организацией Российской Ост-Австралийской компании мне что-то захотелось посетить Азов, и Илья перед самым своим отплытием успел одобрить эту мою инициативу.

Кроме вполне объяснимого любопытства меня туда влекло и желание не допустить повторной встречи Петра с Августом. А то мало ли чего этот политикан ему назовет. В прошлой истории вон добился подписания тайного договора против Швеции. Нет уж, идет он лесом вместе с датчанами воевать со Швецией, а Петра, кажется, удалось убедить продолжать движение к Черному морю, но без спешки. Так как он после Англии вообще собирался в Венецию, я предложил ему место на «Чайке». Мол, все равно туда собираюсь, знаменитый город и так далее. И царь с нарочным отправил письмо об изменении своего маршрута в Москву. От меня теперь требовалось так подгадать время отплытия, чтобы известие о стрелецком бунте застало Петра именно в Венеции. Тогда, возможно, мы быстро доставим его прямо в Азов, где он успеет лично сделать необходимые распоряжения о полномочиях остающихся там первых представителей будущей компании.

Однако пока это все были только планы, ни одного живого турка я еще в глаза не видел и очень смутно представлял, что может ждать нас в Дарданеллах и Босфоре.

Все остальное, кроме поиска правоверных, шло своим чередом, и сравнительно неплохо. Из чугунных отливок, предложенных нам английскими мастерами, в брак ушло не больше десяти процентов. Я ожидал худшего, потому как англичане до сих пор лили свои пушки из бронзы. Но оказалось, это не оттого, что они не умели обращаться с чугуном, а просто из консерватизма. Надо иметь в виду такое свойство их национального характера, подумал я. Очень полезное качество, особенно когда его проявляет стратегический соперник.

Петр тем временем постигал основы теории кораблестроения, причем более интенсивно, чем в прошлой истории. Потому как кроме английских корабелов с ним занимался и я.

Молодой царь оказался очень способным учеником, схватывающим все буквально на лету. Но если что-нибудь не пошло, то это было уже все. Ни малейших признаков усидчивости мне в нем обнаружить не удалось. В общем, он был из тех, кто в школе получал бы всего две оценки – либо «пять», либо «два».

– Математику бы тебе подучить с физикой, – как-то раз сказал я ему, – однако у меня просто нет времени заниматься ими с тобой, ты уж извини. Но одновременно с постройкой заводов компания откроет и школы, в том числе одну высшую. Вот там я бы на твоём месте не пожалел времени для прохождения курса.

Продолжать я не стал, ибо сам был пока не уверен, что именно так и будет. Но, скорее всего, математику с физикой в той высшей школе станет преподавать Светлана Барина, очень способная девочка, до разведшколы учившаяся лично у своего отца, и весьма успешно.

Кроме того, меня порадовала Элли. В беседе с Мосли она сказала всего лишь, что я просил ее убеждать Петра в необходимости выхода именно к Черному морю, мотивируя это невиданным расцветом торговли с Австралией. Ну что же, девочка, похоже, сделала свой выбор и теперь считает себя скорее австралийкой, нежели англичанкой.

Надо сказать, что мой царственный ученик и без всяких убеждений периодически вопрошал меня: а вот что бы я делал в такой ситуации, каковая сложилась у него после взятия Азова?

– Сначала – точно то же самое, что и ты. То есть отправил бы хорошего дипломата заключить с турками мир. Кто там у тебя сейчас, Возницын? Ничего, способный мужик, он справится. Мир, естественно, надо предлагать на условиях, что турки отдадут Керчь. Они, ясное дело, и слышать об этом как не желали, так и в будущем желать не будут. Тогда, угрожая продолжением войны, надо заключить перемирие на два или даже лучше на три года. С этим, я думаю, турки в конце концов согласятся. Полученное время я бы использовал для подготовки к войне – раз и для дезинформации противника – два.

– Чего-чего противника?

– Дезинформации – это по-военному так называется обман. Жил когда-то давно в Китае великий полководец, которого звали Сунь-цзы. Он не только одерживал впечатляющие победы, но и написал трактат «Искусство войны», я могу подарить тебе его перевод на австралийский. Так вот, там написано, что война – это путь обмана. Если ты слаб, убеди противника, что ты силен. Кстати, этот пункт ты уже начал неплохо выполнять: турки имеют явно преувеличенные сведения о силе твоего азовского флота. Но дальше Сунь говорит: если ты силен, покажи противнику свою слабость. То есть пусть турецкие шпионы узнают, что построенный в Воронеже флот рассыхается, потому как сделан из дрянного дерева, гниет, а экипажи судов ни к чему не способны. Ведь на самом деле все это правда, так? Но за два года ты должен построить новый флот, предназначенный для взятия Керчи и ее последующей обороны. Небольшой, но качественный и мощный, и вот про него турки не должны знать ничего. И, наконец, самая главная мысль Сунь-цзы звучит так: война любит победу и не любит продолжительности. То есть готовиться нужно тщательно, не торопясь, а брать Керчь быстро. За неделю, максимум за две, пока турки не успели перебросить туда подкрепления.

– Да как же ее возьмешь за неделю, это сколько же пушек надо с припасами?

– А вот это я тебя должен спросить – где план Керчи? Подробный, с указанием толщины стен, расположения артиллерии, складов, арсеналов, казарм и дворцов начальства? Где карта Керченского полуострова, на которой обозначен каждый овраг, ручей и холм? Вот с чего надо начинать подготовку к войне. Хороший шпион иногда стоит подороже иной армии. Но их готовить надо, сами собой они не вырастают. Между прочим, для составления планов можно использовать не только шпионов, но и воздушные шары.

В этом месте лекция была прервана. Петр, узнав, что в посольстве есть небольшие монгольфьеры, оказался просто неспособен слушать дальше, не посмотрев, как летают эти полутораметровые бумажные мешки. Пришлось выйти в парк и на радость русскому царю запустить воздушный шарик на нитке. Однако после запуска Петр опять вернулся к ранее обсуждаемой теме.

– Красиво ты все говоришь, но мы ведь Азов взяли и без всяких подобных премудростей!

– За два года, – пожал плечами я, – и положив при этом вдесятеро больше солдат, чем турки. Пожалуй, таким примерно образом можно будет взять и Керчь, после чего сил у тебя уже не останется. А у турок их хватит, чтобы выбить тебя не только оттуда,

но и из Азова. В общем, я тебе не зря рассказал по Сунь-цзы. Почитай, очень дельные вещи человек пишет, а потом можно будет и продолжить наши интересные беседы.

Но следующая наша встреча началась не с обсуждения тонкостей подготовки к взятию Керчи, а с моего предстоящего выступления в палате общин. Вильгельм сказал, что она должна утвердить сдачу нам в аренду островов Силли в обмен на предоставление англичанам на тех же условиях острова Махорий. И я поинтересовался у молодого царя:

– Петер, можно попросить тебя о небольшой любезности? Я тут завтра собираюсь выступать в английском парламенте по поводу островов, на которых мы хотим устроить сборочную базу для воздушных кораблей. Так вот, ты не против, если я скажу, что в случае неудачи с архипелагом Силли ты тут же предоставишь мне требуемый остров или полуостров на российской земле?

– Но зачем? – не понял собеседник. – На землях компании ты и так будешь являться хозяином!

– Да, но англичане-то этого не знают, ибо не фиг. Кроме того, на самом деле я буду пугать их вовсе не твоим островом. Почему, как ты думаешь, де Тасьен днюет и ночует в посольстве?

– Ага, – догадался Петр, – на самом деле Людовик тебе ничего не обещал? А то уже ходят какие-то слухи. И ты хочешь сказать, что остров тебе предоставлю я, чтобы палата общин подумала, будто на самом деле тебе его дадут французы, просто об этом еще рано говорить? Хитрая, однако, вещь этот европейский политик.

– Ой, да не надо. Когда купцы друг друга надуть собираются, и похитрее комбинации сочиняют. Так ты не будешь возражать?

– Ладно, говори, что я обещал тебе Соловецкие острова на Белом море.

– Отлично! А в знак моей признательности прими, пожалуйста, небольшой подарок – модель железной дороги, которую недавно тебе демонстрировали. Только, будь добр, в Англии ее никому не показывай, потерпи до России.

– Пусть пока у тебя побудет, – сделал над собой героическое усилие молодой царь, но все же не выдержал: – Вот только прямо сейчас нельзя на нее маленько глянуть?

«Маленько» действительно оказалось не очень продолжительным, и спустя всего полтора часа наигравшийся Петр покинул посольство.

Правда, я и показывал, и подарил ему не совсем полный комплект: паровозик остался у меня. Больно уж реалистично он был сделан, по его шатунам кто-нибудь не в меру умный вполне мог воссоздать конструкцию машины Уатта.

Однако неугомонный Август достал Петра и в Англии, послав туда курьера с письмом. Как чуял, гад, что на обратном пути царю будет не до него! И в этом письме он предлагал уже в будущем году начать совместные боевые действия против шведов с целью отобрать Лифляндию, которая отойдет ему, Августу, а также Ингрию с Карелией – эти достанутся России. И чего ему неймется по поводу той Лифляндии, думал я, слушая запись беседы Петра с Лефортом, Головкиным и Меншиковым. Лучше бы он свой польский трон хоть как-нибудь укрепил, а то ведь сейчас в Польше не король, а натуральная фикция – самый задрипанный пан в своей деревеньке на того короля может класть с прибором. Или вообще сидел бы лучше смирно в Саксонии, чем у серьезных людей под ногами путаться. Ну ничего, Карл ему скоро крылышки-то пообломает. А от меня требовалось подсуетиться, чтобы под раздачу за компанию не попал и русский царь.

Судя по записи, он придерживался довольно разумной точки зрения.

– Нельзя нам сейчас воевать с Карлом, – возражал он Алексашке, вознамерившемуся прямо этим летом показать шведам кузькину мать, – пока с Турцией нет мира. Именно мира,

перемирие тут неуместно: как увязнем в Ингрии – вот тут турки и ударят. Так что, Азов им назад отдавать с городками, как того султан требует? Нет уж, будет надежный мир на юге – тогда и про север думать начнем.

– Да и Август с датским Фредериком спешат, ой спешат, – заметил Головкин. – Чего бы им не подождать, пока начнется война за испанский трон? Ихний король больше двух лет не протянет, а тогда уже точно за Швецию никто не вступится, своих дел хватит.

Тут Петр, помолчав, сказал такое, что я его даже зауважал:

– Верно ты говоришь, Гаврила Иванович, но я твои слова вот чем дополнить хочу. Заклучим мы сейчас перемирие с турками на три года. Они, если не дурные, сразу задумаются – а на что нам нужен такой срок? Глядишь, и догадаются, что на подготовку взятия Керчи. А вот если басурмане узнают, что мы готовимся к войне с Карлом, они решат, что перемирие нам надобно именно для этого. Так что не след прямо сразу Августу отказывать. Лучше подумайте, други, что ему в ответе написать да как отправить, чтобы и султан узнал, о чем мы с польским и датским королями договариваемся.

В общем, при таких настроениях молодого царя мне на ближайшей встрече оставалось только обратить его внимание на частности.

– Ты Суня уже хотя бы мельком просмотрел? Вот и хорошо, значит, понимаешь, что командование войсками должно происходить из единого центра. Так что соглашайся с Августом и Фредериком, а как дойдет до дела, напomini им про принцип единоначалия. То есть всеми союзными войсками должен командовать кто-то один. И предложи на эту должность себя, потому как из вашей троицы только ты имеешь реальный боевой опыт. Ты Азов брал, а эти два короля что? И послушай, что они тебе скажут в ответ на это предложение, которое, между прочим, вполне разумно.

– Как вернусь в Москву, ко мне шведские послы приставать начнут, чтобы я подтвердил вечный мир со Швецией, – поведал царь.

– Начнем с того, что первым его должен подтвердить Карл, – так послам и скажи. И добавь, что после этого ты не будешь видеть никаких препятствий к ратификации.

Надо заметить, что в разговорах с Петром я безбоязненно вставлял в речь заведомо незнакомые ему слова, следя только, чтобы об их значении вполне можно было догадаться из контекста. И действительно, затруднений у нас с собеседником не возникало.

– Но спешить не надо, – продолжил я. – Мало ли, вдруг шведы в каком документе слово «величество» напишут с недостаточно большой буквы или там при аудиенции послы будут без должного энтузиазма лбами по полу стучать, – на все это надо будет обратить их внимание. Если хочешь, могу дать подборку, что говорил Людовик Четырнадцатый про необходимость строжайшего соблюдения этикета. Да и вообще – будто мало у тебя там чернильных душ, которым только позволь, так они до каждой буквы смогут по десять раз докопаться! А тут особенно волынить и не надо, лет пять – и все, а то и в три получится обернуться.

Естественно, мои многочисленные и вполне приятельские встречи с «господином бомбардиром» никак не могли пройти мимо внимания английского короля. И вот он, пригласив меня на ужин для уточнения нашей совместной позиции по будущему Суэцкому каналу, в конце беседы сменил тему:

– Мой друг, не считайте меня лезущим не в свое дело. На самом деле я, видимо, как-то незаметно для себя постарел, потому что не могу понять очевидных для вас и молодого русского царя вещей. И мне просто любопытно – чего такого сверхценного может поставлять Россия Австралии, ради чего вы даже готовы принять участие в войне с Турцией?

Ишь, как его задело, даже не пожалел подтвердить мне, что сведения из русского посольства текут, как из решета. Ну не врать же столь достойному человеку? И я начал выдавать чистую правду, с каждым предложением все более удаляясь от истины.

– Во-первых, нас интересует уран, а его в России достаточно. Это металл, который настолько тверже железа, насколько оно само тверже свинца. Кроме того, на севере России много никеля. Тоже вряд ли известный вам металл. В Саксонии есть небольшие месторождения его руды, но ее используют только для окраски стекол в зеленый цвет. Однако они, эти месторождения, совсем маленькие, не сравнить с русскими. Никель довольно похож на железо, но, в отличие от него, абсолютно не ржавеет. Свифт видел такие изделия во время путешествия на «Чайке».

Вильгельм кивнул, а я продолжил:

– Кроме того, Россия богата вольфрамом, этот металл ценен своей тугоплавкостью. Но самое главное...

Тут я сделал трагическую паузу.

– Самое главное в том, что в ней есть богатейшие месторождения алюминиевых руд! Я даже не знаю, насколько они велики, но подозреваю, что не меньше наших, австралийских, которые к тому же кое-где уже исчерпаны.

«Вот так, дорогой товарищ король, – подумал я. – Надеюсь, это покажется тебе достаточно весомым набором причин? Тем более что в моих речах не было ни полслова неправды, и ты должен это почувствовать, я знаю».

Глава 9

Однажды вечером я вновь ужинал у Вильгельма. Как всегда, прием пищи был совмещен с беседой, тему для которой в этот раз выбрал я. А для ее более глубокого развития захватил с собой микроскоп. Это был самый простой из всех, имеющихся в нашем распоряжении, купленный в магазине наглядных пособий на Кутузовском еще в начале семидесятых годов – естественно, двадцатого века. Однако его пятисоткратного увеличения вполне хватало для рассмотрения не только инфузорий, но и куда более мелких микробов.

Я подождал, пока Вильгельм потянется к графину с водой, которой он разводил вино, и предложил посмотреть, что именно король собирается принять внутрь.

Ему хватило всего пяти минут, чтобы, слегка побледнев, оторваться от окуляра.

– Ну и мерзость, – пожаловался он, – особенно вот эти, большие, треугольные и с какой-то бахромой по краям.

– Инфузории-туфельки, – пояснил я, – эти-то как раз безобидные. Оказавшись в желудке, они бы просто сдохли, не нанеся вам никакого вреда. Но ведь там были и другие, гораздо меньшие по размерам. Среди них встречаются разновидности, могущие жить и размножаться внутри вашего организма. Причем не только в желудке или кишечнике, но и в крови, в легких, мышцах, даже в мозгу. Представляете, что с вами будет, когда внутри вас начнут множиться сначала миллионы, а потом миллиарды подобных тварей? Правильно, вы заболите. Практически все болезни вызываются тем, что в человека попали микробы и начали там размножаться. Причем каждый вид вызывает свою болезнь.

Дальше я рассказал королю о составе крови и пояснил роль лейкоцитов как внутренних полицейских организма. Уточнил, что они способны учиться, и если человек переболел, например, оспой, то его лейкоциты уже будут знать, как бороться с вызывающими эту болезнь микробами, и больше их хозяину оспа не угрожает.

Разумеется, я знал, что оспа имеет вирусную природу и механизм иммунитета к ней несколько иной, но не стал грузить собеседника и наверняка стенографирующего нашу беседу сотрудника Мосли лишними сведениями. Пока и так сойдет.

Тут на лице короля появилось вообще-то не свойственное ему выражение затаенной грусти.

– Эх, и почему вы не явились к нам на несколько лет раньше, – вздохнул он, – моя жена Мария скончалась от оспы всего четыре года назад.

– А до нашего появления тут не знали, что люди, один раз переболевшие оспой, больше ею не заражаются? – поинтересовался я. – И что мешало вам приказать кому-нибудь найти способ заражения человека какой-нибудь слабой разновидностью этой болезни, которая заведомо несмертельна, но после нее образуется иммунитет? Более того, ваши доярки прекрасно знают, что переболевшим коровьей оспой человеческая не страшна. Просто никому не нужно было искать способы борьбы с болезнями, так при чем тут наше появление? Ваша жена умерла от вашего же безразличия к этим проблемам, вот и все. А говорю я это к тому, что однажды от подобной причины можете помереть и вы, чего лично мне не очень хотелось бы. Поэтому запомните, пожалуйста, две вещи. Первая – все болезни от грязи! Потому что в ней полно микробов. В общем, мыться надо чаще, что, кстати, москвиты во главе со своим царем прекрасно понимают. Второе – лекарство есть яд для микробов, вызывающих конкретную болезнь, но безопасный для человека. Кстати, мне тут недавно сообщили, что, оказывается, голландец Левенгук изобрел микроскоп еще тридцать лет назад. Ну так закажите ему десяток самых лучших, а потом посадите своих ученых исследовать, какой микроб какую болезнь вызывает и от какого яда дохнет. Для этого совершенно не нужны австралийцы, вы прекрасно справитесь и сами.

Вообще-то я захватил с собой этот микроскоп с целью подарить его Петру для стимуляции развития медицины в России. Так что даже если бы я сейчас ничего не рассказал английскому монарху о микробах и связанных с ними проблемах, максимум года через три в Лондоне это узнали бы и сами: разведка у них работает очень неплохо. Но такое могло вызвать неприятный осадок – ведь сейчас-то у нас отличные отношения, мало ли кто там будет чьим вероятным противником через двадцать лет! Тем более что я надеялся на некоторые бонусы в обмен на свое душевное благородство, так что без особых сомнений устроил этот сеанс санитарного просвещения.

А через день после Вильгельма достижениями австралийской оптики любовался уже и русский царь. Причем разница в поведении двух монархов бросалась в глаза сразу. Английскому потребовалось порядка пяти минут – убедиться, что данный прибор действительно увеличивает изображение объектов в сотни раз и в капле воды обитает множество мельчайших живых существ. После чего он предпочел слушать мои объяснения, а не смотреть в микроскоп самому. Петр же прилип к микроскопу часа на полтора. Он даже достал нож с целью сделать порез на руке и посмотреть, как выглядит кровь, но я удержал его. Рассказал о болезнетворности микробов, после чего вновь усадил гостя за микроскоп, смочил его нож водой и, стряхнув каплю на предметное стекло, предложил полюбоваться, какой зверинец мой гость чуть не запустил себе в кровь. После чего добавил к воде каплю спирта, и новоявленный микробиолог с явным удовольствием пронаблюдавал массовый падеж злокозненной мелочи в капле. Проникшись, он минут пятнадцать оттирал нож спиртом, пока не решился царапнуть им руку и погрузиться в изучение своих красных и белых кровяных телец, от чего мне с немалым трудом удалось оторвать его только перед самым ужином.

Перед ним мой гость тщательно вымыл руки и спросил, не следует ли для надежности протереть их спиртом. Я ответил, что мыло у меня и так бактерицидное, после чего мы приступили к трапезе. Правда, уже садясь, Петр пробурчал что-то вроде «ну, если теперь кто из наших за стол с невымытыми руками полезет – сгною».

Отужинав, я обратил внимание визави на применение только что полученных им знаний в хирургии.

– Лекари сейчас моют руки не до, а после операции! – накручивал я его. – Организм и так ослаблен болезнью или раной, его лейкоциты еле живы, а эти горе-медики напичкивают его кучей микробов, а потом разводят руками – пациент, мол, несмотря на все усилия, помер от горячки. Да как же ему не помереть, если они сами его и заразили! В общем, в медицине первое дело – это чистота, по науке именуемая стерильностью. А комплекс мер по обеспечению этой стерильности называется антисептикой или санитарией. Кстати, она позволит снизить смертность не только в войсках – ведь основной причиной родильной горячки являются грязные лапы повитух.

– А нельзя ее наводить каким-нибудь иным способом, кроме спирта? Особенно в армии: если его вставить в положенное довольствие, так ведь в момент выпьют!

– Воду достаточно прокипятить, чтобы убить содержащихся в ней микробов. Из морских водорослей можно получить йод, я могу потом дать тебе инструкцию, как это делать. Так вот, если немного йода добавить в спирт, то пить полученный раствор будет уже нельзя, а его антисептические свойства станут лучше, чем у просто спирта. В общем, с введением в армии понятия «санитария» можно будет сократить число умерших от ран и болезней в несколько раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.